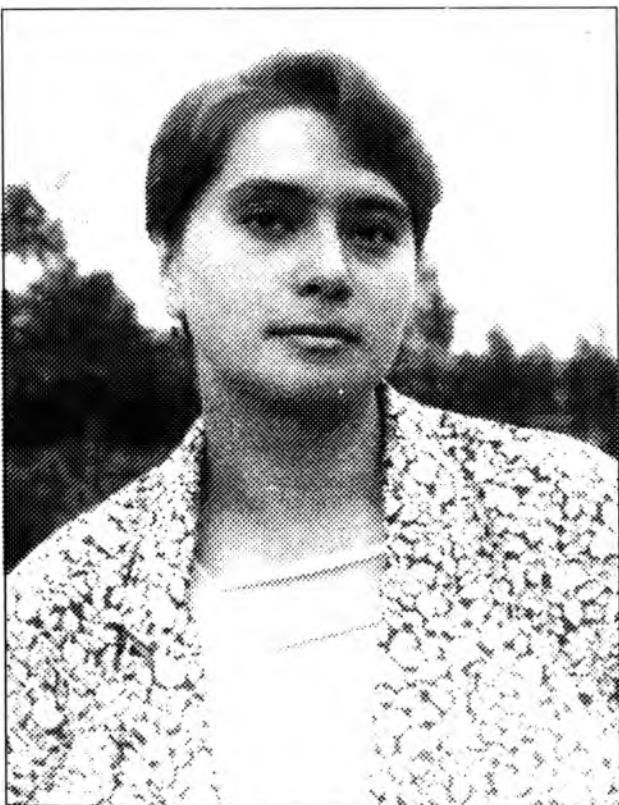

К 1459564

Анастасия
Веселова

СЕТИ
АРАХНЫ

Анастасия Павловна Веселова родилась в Вологде в 1975 году, здесь же закончила среднюю школу (№ 8 СЖД, ныне № 39).

Работает в Управлении внутренних дел Вологодской области.

Писать начала с 15 лет, в 1990 году участвовала в региональном совещании женщин-писательниц Северо-Запада с циклом новелл-сказок. Публиковалась в городской и областной периодической печати. Пишет стихи и прозу. На литературном семинаре молодых писателей Вологодской области 1995 года была обсуждена и одобрена ее романтическая повесть "Маска". "Сети Арахны" - первая книга автора - психологический детектив, получивший известность после трансляции одноименного радиоспектакля областного радио, поставленного в 1998 году.

Детектив публиковался в газете "Насон-город".

**Анастасия
Веселова**

**СЕТИ
АРАХНЫ**

демоктие

**ВОЛОГДА
1998**

В полумраке комнаты, где горел только приглушенный ночник, едва слышно, интимным фоном звучала ласковая музыка. На тахте, около которой стоял столик с двумя бокалами, початой бутылкой вина и легкими закусками, сплелись в объятиях две фигуры. Слышалось прерывистое дыхание и беспрестанный шепот мужчины, осыпавшего лицо и тело женщины поцелуями. Она лишь слабо вскрикивала и пыталась вернуть лицо от настойчивых губ.

Мужчина задел рукой ночник на тумбочке около тахты, тот упал и погас.

Выйдя из подъезда дома в ночь, женщина оглядела пустынную улицу и четкой быстрой походкой направилась к остановке такси, чьи огни горели невдалеке.

Мужчина сидел на смятой постели, глядя в одну точку, затем он налил себе полный бокал вина, залпом выпил его, закурил, но не докурив эту сигарету, ткнул ее в уже переполненную пепельницу и достал следующую - последнюю. Отшвырнул пустую пачку в темноту, прикурил, сделал пару затяжек, вдруг улыбнулся чему-то, быстро поднялся с тахты и вышел из комнаты.

Осмотрев ванную комнату, где лежал мертвый мужчина - уже начавший разлагаться труп, - следователь Соколов, высокий крепкий человек лет сорока, поспешил оттуда уйти.

- Ну, как там? - подскочил к нему черноволосый парнишка - молодой следователь Паша Дербич, подшефный Сергея Ивановича.

- Пока могу сказать, что самоубийство чистой воды, никаких признаков насилия. Парень в этой духоте почти неделю пролежал... - ответил ему Соколов, а затем медленно добавил. - Сколько работаю, никак не могу привыкнуть к запаху смерти...

- Это у вас нос какой-то особенный, Сергей Иванович, я вроде не замечаю.

Соколов услышал охи и стоны, доносящиеся из кухни.

- Как там мать?
- Сами слышите.
- Терпеть не могу, когда на таких мероприятиях родственники присутствуют, - нахмурился следователь.
- Что сделаешь, она пока единственный свидетель. Каково-то ей собственного сына в петле увидеть. С ней сейчас медсестра, думаю, с допросом надо подождать.

В квартиру попыталась прорваться любопытная соседка, но Дербич быстро избавился от нее, закрыв дверь.

В ванной остались делать свою работу эксперты и врачи, а Соколов зашел в комнату, внимательно осмотрелся.

- Ну, давай, юный следопыт, - обратился он к вошедшему Паше, - дерзай, раз напросился ехать сюда. Какие имеешь соображения насчет всего этого?

Дербич рассмотрел обстановку на столике, бокалы, мельком взглянул на неприбранную постель:

- Факты налицо, - радостно сказал он наконец, - вечер перед смертью Велехов провел не один, с женщиной. На одном из бокалов - следы помады, постель весьма красноречиво разобрана, в пепельнице - окурки дамских сигарет...

- А с чего ты взял, что это была женщина? - перебил его Соколов. - Может, какой-то гомик накрасил губы, взял пачку дамских сигарет и пришел к своему «милому», после чего они весьма красноречиво смыли постель.

- Обижаете, Сергей Иванович! - воскликнул Паша.

- Да шучу я, - отмахнулся следователь.

В комнату зашел эксперт:

- В ванной мы все закончили. Можно увозить труп?

- Да, наверное все, не забудьте взять у медиков необходимые справки, и пусть увозят. Паша, - обратился он к Дербичу, - открой же наконец балкон, я с ума сойду от этой духоты!

- Что хоть вы все, - пробурчал тот, но пошел исполнять просьбу.

Соколов проследил за тем, как выносили труп Велехова:

- Чего людям надо? - спросил он подошедшего эксперта.

- Молодой еще, симпатичный, жил не хуже всех.

Эксперт только пожал плечами в ответ.

- Займитесь там в комнате, Дмитрий Васильевич, - сказал ему Сергей, - на бокалах и бутылке наверняка полно отпечатков,

на постели - и того больше улик можно насобирать, сами все знаете.

- У вас какие-то соображения уже имеются?

- Странная ситуация, хороший вечер с женщиной и - в петлю, посмотрим.

Эксперт кивнул и ушел в комнату, а с площадки снова донесся голос пожилой соседки, и она пробралась-таки в квартиру:

- Чего же это Миша-то учудил! - немного картишно вскрикивала она. - Молодежь-то, молодежь что творит! Это все оттого, что в стране разруха, при коммунистах не вешались!

Соколов перебил ее:

- Давайте лучше вместо политических взглядов обсудим с вами житье-бытье несчастного Миши.

- А что обсуждать? - насторожилась соседка. - Я в свидетели не набиваюсь.

- Я вас и не заставляю, скажите мне только, кто в тот вечер, то есть пятнадцатого марта, приходил к Велехову в гости?

- Откуда же я это знаю, мил человек?! - возмутилась женщина.

- Неужели ничего и не видели?

- Ну, часов в двенадцать, может, и позже, дверь в подъезде хлопнула, а мне не спалось чёй-то...

Соколов усмехнулся.

- Не спалось, - тверже повторила соседка, - я в окно выглянула, а она-то и идет от нашего подъезда туда, - женщина неопределенно махнула в стену, - там еще такси у нас останавливается. Такая она высокая была, в пальто. Я худо разглядела, темно ведь, но шла она быстро так, ловко.

- Ловко, значит, походка красивая? - уточнил следователь.

- Да, да.

- Еще что-нибудь?

- Больше ничего не знаю.

- Раньше вы эту женщину видели?

- Вроде в подъезде как-то сталкивались, но не знаю, не знаю. - Соседке надоел допрос, и она уже явно желала его закончить.

Соколов отпустил ее и зашел на кухню.

Мать Велехова поуспокоилась, но все равно тихо

плакала.

- Мы с вами, Маргарита Семеновна, еще встретимся, а сейчас вам бы лучше домой, вас на машине довезут, - он помог женщине дойти до дверей.

- Я уж как-нибудь сама, - всхлипывала она, но Сергей подозвал Дербича: - Отвези ее домой и поезжай в отдел, а я тут закончу свои дела.

- Что с соседкой выяснили? - полюбопытствовал Паша.

- Шерше ля фам, - усмехнулся Соколов.

В редакции газеты Сергей задохнулся от запаха краски. По этажам, вперемежку с журналистами, бегали перепачканные белилами маляры. Соколов долго плутал среди них, пока кто-то не показал ему кабинет редактора.

За сдвинутыми шкафами, поставленными друг на друг коробками, связками газет, следователь едва рассмотрел нужного ему человека, тот сидел, задвинутый в угол, за заваленным столом и, хотя в кабинете было не жарко, окно оказалось открыто нараспашку.

- Проходите сюда, - выглянул редактор из-за коробок. - Возьмите там стул.

Соколов выбрал из кучи один более-менее приличный, отряхнул его и пробрался к столу.

- Видите, в каких условиях работаем? Сумел, наконец, выбить денег на ремонт, приходится терпеть и мерзнуть, потому что голова за день от краски пухнет... Вы по какому вопросу?

Сергей показал корочки.

- Кажется, догадываюсь, по Велехову? - спросил редактор.

- Именно по нему, хотел бы узнать кое-что о его работе.

Потому как изучил я личное дело вашего сотрудника и никак не могу понять, что же заставило его совершить над собой такое. Тридцать четыре года, преуспевающий журналист в известном шумном издании, женат был, но развелся уже давно, детей нет, «не наследил», как говорится, был не худ собой, жил всегда в достатке, а по нынешним временам, так и шикарно. Поэтому бытовую связь я разу отмечую. Велехов не нищий, который вешается оттого, что ему есть хочется, а украдь он не может. Меня интересует политическая сторона вопроса. Вы газета скандальная...

Редактор самодовольно улыбнулся.

- ... Велехову никто не мог угрожать?

- Было такое дело. Михаил писал статью про одного из сильных града сего. Разнес в пух и прах, разоблачил его злоупотребления на служебном посту, да вы читали наверняка, много было шуму. Тогда действительно возникла неприятная ситуация - Велехова избили у дома, а чуть позже - залезли в квартиру, но не ограбили, а взяли только фотопленки, рукописи и кое-какие документы, касающиеся этого дела. Людей тех, естественно, не нашли, статья увидела свет позже, в другом варианте, но не менее жестким. Подобных эксцессов с Михаилом больше не случалось. Во всяком случае, последние полгода он мне на это не жаловался.

Соколов развел руками:

- Что ж, спасибо, еще один пунктик отпадает. Остается все то же вечное «шперше ля фам».

- Классика, - сказал редактор, - но в этом я вам ничем помочь не смогу, в личной жизни Михаил был очень скрытен.

На крыльце редакции Сергей задержался, отыскал в записной книжке адрес матери Велехова, постоял с минуту.

- Пожалуй, на сегодня хватит, - произнес он в раздумья и, подойдя к ларьку, купил в нем пару бутылок пива.

На другой день Маргарита Семеновна Велехова встретила его довольно спокойно, провела на кухню, приготовила чай, но, когда они заговорили, все-таки расплакалась:

- Миша один у меня был. Муж бросил нас, когда мальчику еще и годика не исполнилось, но я старалась сыну про отца только хорошее говорить, пыталась объяснить, что папа полюбил... Миша рос очень впечатлительным, но был молчалив, я часто недопонимала его... я, наверное, и виновата во всех бедах, этих несчастьях, потому что старалась не обращать внимания на странности сына... Жили-то мы хорошо, нессорились. Мне казалось, что мужчина в доме не нужен, но Мише этого видимо было недостаточно... Как я теперь буду жить...

Маргарита Семеновна замолчала, Соколов ее не беспокоил, давал выговориться, понимая сложность ситуации.

- Я не знаю, насколько это важно, - продолжила она, но

у Миши всегда были проблемы с женским полом

- Вот это-то мне особенно и важно, - подсказал следователь. - Боюсь, что только в женщинах и дело.

- Да? - Маргарита Семеновна растерянно улыбнулась. - Тогда мне придется рассказывать вам очень сложные больные для меня вещи... Поймите меня...

- Конечно, конечно, - поспешил успокоить ее Соколов. - Не торопитесь...

Женщина помолчала, взвешивая что-то в душе, потом прямо посмотрела Сергею в глаза и сказала:

- Знаете, вам о нем больше меня может рассказать один человек. Мне, погорьте, очень трудно говорить о таких вещах... Простите... - Маргарита Семеновна снова заплакала.

Соколов подождал с минуту, потом осторожно спросил:

- О ком вы говорите?

- Об Анне, Миша встречался с нею последние года полгода. Чудесная женщина, сын всегда просто восхищался ею. Я надеялась, что они скоро поженятся, но у них вдруг что-то не заладилось.

- Как же так может быть, что любовница знает человека лучше, чем его мать? - удивился следователь.

- Она психолог по образованию, Миша с ней так и познакомился - пришел на прием... Мне известны только факты из жизни сына, а ей и их последствия... - пряча вновь повлажневшие глаза, женщина вышла с кухни и вскоре вернулась с листочком бумаги. - Вот ее адрес...

В конце рабочего дня Соколова вызвал к себе начальник.

- Как у тебя дела с Велеховым, Сергей Иванович? - спросил он, когда следователь еще даже не успел сесть.

- Пока ничего конкретного, прорабатываю версии, некоторые уже отпали, возможно даже, что и криминала-то тут никакого не будет, мать его мне сообщила, что сын, похоже, поссорился со своей подружкой.

- «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте», - продекламировал начальник. - С подружкой уже встречался?

- Не успел, но намерен сделать это на днях.

- Молодец ты, конечно, но у меня беда одна - делами нас

заваливают! Аж страшно! Вот, приготовил тебе пачку новых, - протянул шеф следователю пару томов. - Сроки везде поджимают, так что постараитесь побольше времени уделять серьезным делам, а с этими несчастными полюбовниками особо не суетись. Пойми, меня тоже на каждой планерке у начальства пинают... А у твоего Велехова ни царапинки, так что сам он на себя белы рученъки наложил, сам за это и отвечать будет на том свете.

- Можно помочь залезть в петлю отнюдь не физически. Статья такая есть в Уголовном Кодексе - доведение до самоубийства.

- Да уж знаю, дорогой мой! В общем, проверь по-быстрому свои версии о Велехове и дельце - в архив. Сейчас таких дел не по одному в неделю закрываем, устал народ от жизни такой собачьей, вот и травятся, стреляются. А поди докажи, кто в этом виноват, правительство напе за решетку не запихаешь... В общем, понял ты меня, Сергей Иванович? Там одно дельце я тебе подсунул поганенькое, Кукушкин, хрен, взялся, а не справляется, ты-то у меня поопытнее будешь.

- Как всегда, что попоганее, то на Соколова, - вздохнул следователь, пошел к дверям.

- Не ворчи, - сказал ему вслед начальник. - А то премии лишу...

Через три дня следователю позвонила взволнованная Маргарита Семеновна:

- Просыпаюсь сегодня утром, Сергей Николаевич, и вдруг, даже похолодела вся от ужаса, ведь от Анны нет ни слуху ни духу уже десять дней. Я вам не сказала ничего при нашей первой встрече, это так странно, но ее не было на похоронах Миши. Я, когда нашла сына, первой ей позвонила, она так испугалась, и больше я ее не видела... Сергей Иванович, я боюсь! Я боюсь, что она тоже... также, в ванной... Они очень любили друг друга!

- Успокойтесь, Маргарита Семеновна, - вздохнул Соколов. - Может, ваша Анна в командировку уехала, всякое ведь в жизни бывает...

- Нет, нет! Как же так можно?! Помню, когда я у могилы стояла, все ее глазами в толпе искала, мне так нужна была ее поддержка... Наверное, ей просто невыносимо тяжело было бы

видеть это, как и мне. Конечно! Она ведь считает себя виновной в Мишиной смерти, бедная девочка! Нам надо сходить к ней, сегодня же, Сергей Иванович, сейчас же!..

- Маргарита Семеновна, я не могу сейчас, я занят...
- Но она же там уже вся... - женщина заплакала.
- Ну хорошо, хорошо, только успокойтесь. Вечером, после работы, я за вами зайду, сходим к вашей Анне и все выясним. Мне бы с ней тоже не мешало встретиться.

В квартиру они звонили минут пять, потом стучали, пока какая-то женщина с верхнего этажа не сообщила им:

- Анна Викторовна уехала больше недели назад, не шумите, у меня ребенок маленький.

Соколов разозлился на Велехову:

- Попейте валерьянки, - сказала он грубо, - у вас нервы ни к черту, вот и блазнится всякое...

Женщина расплакалась.

- Чертов пень, - выругался тихо следователь на себя. - Извините меня, замотался тоже. Пойдемте...

Соколов осторожно вывел Велехову из подъезда, и они медленно пошли к остановке.

- Все так ужасно вокруг, - сквозь слезы говорила Маргарита Семеновна. - Я так устала, жить не могу...

Сергей старался не слушать ее стенаний, и без того на душе было совсем тоскливо. Но тут Соколов увидел, как им навстречу четкой уверенной походкой шла высокая женщина в пальто, с дорожной сумкой в руках. Маргарита Семеновна рванулась к ней:

- Аня, Анечка! Как же так, милая? Как ты могла? - она бросилась ей на шею.

Анна успокаивала Велехову, извиняясь за что-то. Соколов подошел к ним, и ему наконец удалось разглядеть женщину: высокая, статная, с длинными пышными волосами, не прикрытыми ни чем, несмотря на неверную апрельскую погоду. Ей было лет тридцать на вид, крупные яркие черты лица, умело оттененные легким макияжем, умные, глубокие, чуть усталые глаза, чувственный рот... Еще Соколов обратил внимание на ее руки, которые гладили вздрагивающие плечи Маргариты Семеновны - длинные, холеные пальцы с красивыми ногтями,

крупный перстень. Что-то властное было во всем облике этой женщины, и Сергей невольно прошептал:

- Из-за такой, пожалуй, не грех и повеситься... Следователь Соколов, - представился он громче. - Хотел бы задать вам несколько вопросов.

- Скажу прямо, - холодно улыбнулась Анна, - что вы не самый желанный гость, но, раз уж так, пойдемте ко мне, тем более, что Маргарите Семеновне не мешало бы прилечь.

В квартире Анна напоила Велехову успокоительным, уложила в комнате поспать и, прикрыв туда дверь, вернулась на кухню, где оставила ожидать Соколова.

- С вашего позволения, я приготовлю ужин, - обратилась она к нему. - Я голодна.

- Ничего не имею против, - улыбнулся Сергей.

- На вас, может быть, тоже приготовить?

- Нет, нет, - отчего-то испугался Соколов.

- Понятно, - усмехнулась Анна. - Есть вы хотите, но профессиональная этика вам не позволяет. Придется переломить принципы: мне будет неудобно есть одной.

- Честно сказать, Маргарита Семеновна утащила меня прямо с работы, и я ничего не успел перехватить.

- Вот и прекрасно.

Анна Викторовна ловко орудовала у плиты, у раковины, а Сергей внимательно следил за ее уверенными действиями.

- Так куда же вы все-таки ездили? - спросил он Анну.

- Отдыхать, - спокойно ответила она, прикрыла крышкой сковороду, убавила огонь и наконец села напротив следователя.

Он вопросительно смотрел на нее.

- Да, отдыхать, - повторила женщина. - Я конечно, растерялась и испугалась, когда узнала о случившемся, хотя и была к этому готова...

- Готовы?!

- Михаил не звонил и не появлялся почти неделю, а это было не в его манере, кроме того, я уже много раз слышала от него мысли и даже угрозы о самоубийстве, так что когда все подтвердились, я почти машинально собрала вещи и уехала, сначала лишь бы куда, а потом решила на дачу, у меня дом в деревне, недалеко от города. На похороны не пошла, потому что не хотела никого видеть и уж тем более успокаивать. Мне нужно было остаться наедине с собой, многое обдумать, взвесить...

- В ночь перед самоубийством у Велехова были вы?
- Я этого и не скрываю.
- Вы - поссорились, - не спросил, а утвердил следователь.
- Нет.

Анна поднялась с места, выключила газ и достала тарелки.

- Тогда что же, на ваш взгляд, заставило Велехова повеситься? Лично я теперь совсем ничего не понимаю, но вы-то - психолог, и Михаил был вашим пациентом, как мне сказала Маргарита Семеновна.

Анна поставила перед Сергеем наполненную тарелку, положила вилку и снова села напротив:

- Похоже, что вы и так уже все знаете.

Она принялась есть, и Соколов мгновенно оценил, что и это она делала изумительно, ему же стало очень неловко за себя.

- Маргарита Семеновна не сказала мне практически ничего и отоспала именно к вам, - Сергей взял вилку и пристально посмотрел на Анну, - она говорила, что у сына всегда были проблемы с женщинами, сказала, что ей тяжело об этом рассказывать, что вам, как психологу, известно гораздо больше, не только факты, но и их последствия.

- Понятно, - Анна покачала головой, - придется раскрывать карты. Только сперва я хотела бы задать вопрос вам.

- Попробуйте.

- Что, возбуждено уголовное дело?

- Существует материал служебной проверки по самоубийству Велехова, но при возникновении каких-либо сомнений относительно того, сделал ли он это сам, при обнаружении улик, будет возбуждено уголовное дело.

- Разве есть какая-то особенно статья по самоубийствам?

- Есть, доведение до самоубийства, но вас это, по-моему, не должно интересовать.

- Считаете, что сможете найти виновного и что-то доказать? - Анна странно посмотрела на Соколова, и он уловил в ее во взгляде какой-то колючий холод.

- А разве есть что доказывать?

- Судите сами, - Анна отодвинула пустую тарелку и, слегка откинувшись на спинку стула, начала. - Диплом психолога я получила пять лет назад, окончила курсы, вообще-то я журналист, как и Михаил... был. Практикую около трех лет,

получила патент, дала объявление в газету, но занимаюсь я этим от разу до разу, как бы хобби, продолжаю писать статьи, иногда - прозу, официально нигде не работаю, ну да сейчас это никого не задевает. На материальное состояние пожаловаться не могу, к частному психологу бедный человек не сунется, понимает, что не по карману, чаще бизнесмены попадаются, а у тех проблема одна - тоска, бесконечная, неуемная тоска, которую не залить и самым дорогим вином. С них я брать не стесняюсь. Конечно, если вдруг попадается человек победнее, то нередко я с ним работаю ради собственного любопытства, накапливаю опыт...

- Так было и с Велеховым? - перебил Анну Соколов.

- Отчасти. У него оказался тяжелый случай. Михаил был мне интересен и как человек, и как журналист, в конце-концов, и как мужчина.

Но это все было позже, вернемся к тому, как он у меня появился. Тогда у меня был свой кабинетик, я по-знакомству снимала его за смешную плату. Дома я клиентов никогда не принимала, во избежание излишнего любопытства, и криминальных ситуаций.

Анна взяла с подоконника пачку сигарет, пепельницу и закурила. - Вы курите?

- Да, не смел спросить разрешения.

- У меня, правда, только дамские.

- Знакомы по протоколу осмотра квартиры Велехова, - заметил Соколов. - У меня свои.

Он тоже закурил.

- Михаил рос без отца, это, как понимаете, очень отразилось на его характере и психике; впечатлительный, не по-мужски эмоциональный и мягкий. Для творческого человека это великолепно, недаром он стал писать стихи, однако для мужчины излишняя женственность - тяжело. Сверстники посмеивались, иногда - поколачивали. Девчонки - нос воротили. Миша замкнулся, постоянно находился один, пока к ним в класс не пришел новый мальчик, такой же мягкий и женственный. Сошлись они мгновенно, стали очень дружны, кажется, чуть ли не под ручку ходили, до позднего вечера - вместе. То у Миши сидят, то у того. Ну, а народ у нас сами знаете какой, кому-то что-то ненормальное в этом показалось, кто-то что-то присочинил, донесли матери, наговорили, что, якобы, мальчишки совсем не просто так неразлучны, что-то у них есть нехорошее...

Мать в истерику, друга на порог больше не пускала, устроила сыну скандал, хорошую моральную проработку, показала психиатру, тот выписал таблетки, не ясно, правда, отчего. Миша переживал жутко, а мать еще усугубляла положение. Это она мне потом рассказывала, что никак не могла перебороть отвращение к сыну. Они стали совершенно отдаляться, хотя и старались не выдавать очевидного. Однажды Маргарита Семеновна пожаловалась какой-то своей подружке, поплакалась, и та ее успокоила, мол, все уладим. И уладила, очень своеобразно: соблазнила 16-летнего мальчишку, решила дать ему почувствовать вкус женщины, да сама во вкус вошла, и длилось это у них наверное года два. Потом Миша ушел в армию, и все прекратилось как бы само собой. Мне, к сожалению, так и не удалось выяснить, «старалась» ли подружка с попустительства матери или та так до сих пор ничего и не знает. Не трогаю эту тему.

После армии Велехову подвернулась удачная девочка, быстро поженились, но нажили недолго из-за интимных проблем. Как мне говорил Михаил, у него долгое время не было практически ни одной женщины. Стал выпивать.

Ко мне конкретно он пришел с тем, что последние два по ночам ему видится женщина, похожая на его первую «подружку», но все-таки это не она, при этом Велехов чувствовал, что вновь становится мужчиной, это помогло ему понять, что причиной его проблем является какой-то психологический блок в мозгу, а не физическая неспособность... Кажется, вам не очень приятно эту слушать? - обратилась вдруг Анна к Соколову, заметив, как тот осунулся и напрягся во время ее рассказа.

Следователь тряхнул головой и, выбравшись из собственных мыслей, ответил:

- Нет, нет, все в порядке. Просто я... немного тема непривычная.

- Отчего это вас так обеспокоило? - взгляделась женщина в глаза Соколова, ему сделалось не по себе, и он потянулся за сигаретой. - Для меня это лишь работа, - предложила Анна мягче.

- В общем тогда я сказала Велехову, что ему необходимо сходить к сексопатологу, дала адрес, созвонилась с врачом сама, объяснила в двух словах свои соображения и забыла про Михаила. Однако меньше чем через месяц, Велехов явился ко мне с дикими глазами и букетом цветов. Как-то очень странно на

меня посмотрел и заявил, что только я могу его спасти. Он тогда был пьян, но тем не менее... Велехов сказал, что женщина в его видениях материализовалась и приняла самые четкие мои очертания. Я постаралась объяснить Михаилу, что это снова его вымыслы, поскольку я стала в его подсознании неким символом спасения, но Велехов был настойчив, стал практически преследовать меня, рьяно ухаживал, наконец, мне это стало нравиться, и я поддалась... Не без гордости скажу, что со мной у него все было великолепно. Однако со временем Велехов всячески постарался сташить меня в свою семью, познакомил с мамой, строил какие-то планы на будущее, а когда вдруг понял, что я не очень их разделяю, стал закатывать истерики с угрозами и мольбами, говорил, что без меня он жить не будет, теперь я для него - жизнь, что он непременно покончит с собой, если я его брошу. Я, конечно, старалась его утешить, но, видимо, не очень убедительно, так как истерики случались все чаще и чаще. В конце-концов я устала и заявила ему об этом.

В тот вечер он привез меня к себе почти силой, домогался, умолял, ныл, говорил, что в последний раз, я согласилась, потом он стал упрашивать, чтобы я осталась, но мне стало скверно на душе, и я ушла. Велехов остался один, и сделал то, что сделал. Я не сомневалась, что он способен убить себя, но не предприняла ничего, чтобы его остановить. Так, что судите сами, если моя вина и есть, то только в бездействии...

Анна была спокойна и холодна.

Соколов всмотрелся в ее глаза, пытаясь отыскать в них хоть намек на сожаление. Хоть каплю горечи, но женщина вдруг отвела их в сторону.

- Но это действительно преступление, - сказал Сергей тихо. - Вы - врач, учились именно для того, чтобы помогать таким людям, как Велехов, вы, по сути, предали клятву Гиппократа, я даже не знаю, что еще...

Анна взяла сигарету, попыталась ее прикуриТЬ, но руки вдруг задрожали и она, бросив сигарету, сказала:

- Допустим, что клятву Гиппократа я не давала, для чего я учились на психолога - тоже не вам судить. А, главное, как только наши отношения с Михаилом перешли за рамки деловых, он перестал быть для меня пациентом. Если вносить в личные отношения оттенок профессионального подхода, они не будут искренними. Поэтому все выходки Велехова были для меня лишь

капризами.

- Но в тот вечер была исключительная ситуация! - воскликнул следователь.

- Таких исключительных ситуаций у нас было пруд пруди. Ему нравилось быть моим пациентом, моим больным в любой ситуации, а я не хотела его бесконечно опекать, лечить. Считала и считаю, что он уже не нуждался в этом. - Анна наконец прикурила сигарету. - Я бы хотела оставить этот разговор. Я рассказала вам все как было - дальше делайте выводы. Это ваша работа.

Соколов взял себя в руки и спокойнее спросил:

- И все-таки, почему же вы сразу уехали из города?

- Я уже объясняла вам - мне необходимо было побывать наедине с собой... В конце-концов, не считайте же меня таким уж монстром, я переживала из-за случившегося, конечно, и винила себя, мне было тяжело видеться с его матерью, она ко мне всегда слишком хорошо относилась. Я боялась ее истерик, обвинений, выяснений... Скажете, я опять не оказала помошь нуждающемуся?

Сергей промолчал, поднялся из-за стола.

- У вас больше нет ко мне вопросов? - наигранно удивилась Анна.

Следователь отрицательно мотнул головой, он снова будто забрался глубоко-глубоко в свои мысли.

- Вопросов больше нет, - произнес он задумчиво. - Пока - нет. Спасибо за ужин.

Анна проводила Соколова в коридор.

- Маргарита Семеновна переночует у меня, - остановила она порыв Сергея разбудить женщину.

Тот быстро оделся и на пороге квартиры вдруг притормозил, оглянулся:

- Сколько на вашей совести таких вот Велеховых?

Анна Викторовна раздраженно глянула на него:

- Я устала от вас, - сказала она медленно.

Соколов не заметил, как доехал домой, всю дорогу - в автобусе, пока шел по улице - перебирал в голове слова Анны, но еще больше их его беспокоило нечто личное, касающееся именно его.

Дома, сняв на ходу ботинки, Сергей прямо в пальто

рухнул на кровать, уткнувшись лицом в подушку. Вдруг он впился пальцами в постель и застонал. В его памяти пронеслось видение, которое он уловил мгновенно: молодая девушка плачет, закрываеться руками от ударов, которые наносит ей... он, Соколов. Еще раз, еще раз, как заевшая пластинка в мозгу мелькало одно и то же.

Сергей взвыл и вцепился руками в волосы. Боль немного отрезвила его, он медленно поднялся с постели и, шатаясь, пошел в ванную. Там он сунул голову под ледяную воду и стоял так минут пять, не замечая, что вода стекает по шее на пальто.

Соколов старательно объяснял что-то потерпевшему - потрепанного вида мужику, который сидел около стола и мял в руках вязаную шапочку - когда в кабинет потихоньку вошла Маргарита Семеновна. Сергей Иванович устало взглянул на ее вечно взволнованное лицо и указал на стул в сторонке:

- Посидите немного, я сейчас закончу... Еще раз перечислите мне все похищенные вещи, я проверю записи, - обратился он снова к мужичку.

- Телевизор «Юность» - пятьсот тысяч рублей, - отвечал потерпевший, - сапоги женские, тридцать седьмой размер, сто двадцать тысяч, шуба искусственная коричневая - двести тысяч, посуда из серванта всего на двести тысяч...

Велехова заметно нервничала, тиская в руках плотно набитую чем-то сумку, все старалась заглянуть на стол Соколова, посмотреть много ли еще осталось проверить в списке.

- Все правильно, - сказал наконец Сергей Иванович, - напишите вот тут: «с моих слов записано верно, мною прочитано» и подпись.

Мужичок бесконечно медленно карябал в протоколе положенные слова.

- Принесите справку о стоимости вещей, - говорил ему Соколов, - они у вас старые, изношенные, а вы цену заломили, словно только с прилавка.

- Так ведь не купить теперь будет, - тихо сказал мужичок, отдал следователю листок и ручку, надел свою шапочку - До свидания.

- Всего хорошего, когда понадобитесь, я вас вызову, а справку все-таки занесите на дних.

Потерпевший удалился из кабинета, а Маргарита Семеновна словно по команде бросилась к Соколову:

- Вот, Сергей Иванович, - быстро заговорила она, выкладывая на стол из сетки какие-то книги. - Мне теперь все ясно. Пошла я к Мише на квартиру, думаю, прибраться надо и нашла эти книги в шкафу. Я ведь много уже слышала о сектах всяких, что людям они головы дурят, а те потом и вешаются. Но чтоб Миша! Я ведь не подозревала даже, что он в такое ввязался...

Соколов внимательно разглядывал книги: некоторые были кустарные ксерокопии с перепечатками псалмов, молитв, выдержками из учения, другие - в шикарных переплетах, с цветными иллюстрациями.

- Черт возьми, - ругнулся он, - как же я сам эту возможность упустил, совсем заработался... Может, сын вам что-то рассказывал?

- Да нет же! Неужели бы я забыла! Грех-то ведь какой...

Соколов быстро набрал номер телефона:

- Паша? Привет, дорогой, найди-ка список религиозных сект, действующих в городе. Принести мне, срочно.

Сергей положил трубку, но тут же снова взял ее.

- Посидите, Маргарита Семеновна, - Соколов поискал что-то в бумагах на столе, - подскажите-ка мне телефон Анны. Велехова назвала. Следователь набрал его.

- Доброе утро, Анна Викторовна. Разбудил? - спросил он, когда на том конце раздался голос. - Вы не могли бы в течение рабочего дня ко мне подъехать? Да, новые обстоятельства появились... Что? До пяти. Хорошо, я буду ждать. - Соколов положил трубку, снова пошуркал в бумагах, с написанным на лице удовольствием, сложил книги в стопочку и сказал Маргарите Семеновне, которая вдруг принялась плакать. - Не переживайте, у нас на все эти секты давно зуб имеется.

- Миша такой замкнутый стал в последнее время, слова от него не добьешься. Если и спрошу когда, он только: «Все в порядке, мама...».

В кабинет заскочил Дербич, подал Соколову списки.

- Задержись-ка, Паша, - остановил его тот у дверей. - А вы, Маргарита Семеновна, можете идти, спасибо большое, я, если что-то новое выясню, вам обязательно сообщу.

Велехова сложила сеточку в карман, вытерла глаза и ушла из кабинета.

- Видал как?! - воскликнул Сергей, когда они остались с Пашей одни. - Дело-то какой оборот принимает!

Дербич рассматривал книги, отобрал одну яркую, в толстом переплете:

- Вот эта мне уже знакома. У Ширикова, из первого отдела, парень в розыске был, оказалось - к Богу подался, ушел в какую-то секту, бросил семью. Так вот он торговал такими на улице, там его и заловили, привезли в отделение, а у него припадок случился, перепугались тогда они...

- Помню, помню, мужики рассказывали. Ты с этим Шириковым больше знаком, свяжись, выспроси данные того парня, может, мне пригодятся. Буду благодарен.

Соколов взял у Дербича книгу и стал ее листать.

Анна приехала к следователю в самом конце рабочего дня, зашла в кабинет красивая, спокойная, сняла перчатки, села у стола.

- Я прибыла, - улыбнулась она Соколову.

Тот улыбнулся ей в ответ смущенно.

- Рад вас видеть, - ляпнул он неожиданно даже для самого себя.

- Неужели? - рассмеялась Анна. - Мне, наверное, с вещами нужно было приходить? Чтобы сразу по этапу.

- Зря вы так, Анна Викторовна, я наоборот извиниться хотел за свой тон, разошелся тогда...

- Я тоже хороша была, - перебила его Анна, - устала, да и снова пришлось бередить все в душе, не самое приятное занятие... Но пригласили вы меня, надеюсь, не только за тем, чтобы извиниться?

- Разумеется нет, но предлагаю побеседовать в более непринужденной обстановке. Мой рабочий день подошел к концу, я не отказался бы перекусить, так мы и поговорим.

- Вы меня приглашаете? - улыбнулась женщина. - Не смею отказать. - Она поднялась со стула. - Жду вас на улице, - надела на ходу перчатки, поправила сумочку на плече и вышла.

Спихав дела со стола в сейф, схватив куртку, Соколов выключил свет и выскочил вслед за Анной.

В кафе они выбрали столик в дальнем углу, где было

потемнее, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Сергей суетился вокруг стола:

- Хоть отомщу вам за ваш ужин, - хихикал он.

- Такое чувство, - улыбнулась Анна, - что вы ухаживали за женщиной последний раз лет сто назад.

Соколов вдруг напрягся от этих слов, с его лица сползла глупая улыбка, он быстро составил тарелки с подноса и сел за стол.

- Не обижайтесь, - виновато посмотрела на него женщина, - я вижу, что вы нервничаете, и пытаюсь разрядить обстановку.

- Все нормально, - ответил Соколов, - только я действительно последний раз ухаживал за женщиной очень давно.

- А за женой ухаживать - считаете много чести! - усмехнулась Анна.

- У меня нет жены, я закоренелый холостяк и этим горжусь, - попытался пошутить Сергей, но получилось совсем не весело.

Женщина с жалостью посмотрела на него:

- Разведены?

- Так жизнь сложилась, что не встретил близкого человека... Я бы не хотел...

- Извините меня за нетактичность, - остановила его Анна.

- Задавайте свои вопросы.

- Сегодня Маргарита Семеновна притащила мне целый ворох религиозных книг. Такие сейчас на каждом углу продают, секты орудуют, расплодились, как кролики... Так вот эти книги она нашла в квартире Михила. Вы слышали, наверное, что люди, вовлеченные в секты, кончают не очень хорошо. Одним словом, у меня появились новые соображения насчет самоубийства Велехова. Вы как-то можете это объяснить?

Анна искренне удивилась:

- Я не слышала, чтобы Михаил увлекался подобной литературой... Впрочем, кажется прошлым летом, он писал статью о какой-то религиозной общине, сходил на их собрание, рассказывал мне потом, но со смехом, он несерьезно и предвзято относился к таким вещам. Я осудила его тогда из-за этого, сказала, что религия должна быть свободной, мы даже поругались, помню. После у нас разговоров на эту тему не

возникало, и книг я у него дома не видела.

- Мне-то уже знакомы плоды трудов некоторых сект. Есть очень активные, это которые по городу шатаются, наваливают литературу, приглашения на молебны, всячески стараются втянуть новых людей, особенно молодежь, даже по квартирам ходят. Такие у нас почти все на учете. Но есть и другие, более пассивные. К ним попадают чаще случайно, знакомого ли приведут, родственника, просто молитвы послушать, псалмы попеть, а потом и сам не заметишь, как втянут. Если кто смелый и выйдет оттуда, то с ним такую психологическую обработку проведут, что точно в петлю полезешь. О таких сектах мало что известно, но вреда от них больше. Так что свободу религии я: конечно, не оспариваю, но во всем есть свой предел.

- Я с вами вполне согласна, ко мне однажды перепуганная мамаша привела 17-ти летнего сына, тот - побрит налысо, глаза - стеклянные, шепчет что-то. Потом оказалось, что какой-то в их дворе появился «учитель», оборудовал подвал, стал ребят-подростков собирать, библию им читать, а чтобы, мол, лучше усваивалось, покурите вот эту травку, сразу в нирвану и войдете. Вот мой пациент в нее вошел, а выводить мне его пришлось, такой он впечатлительный оказался.

- Кажется слышал я про такое, - сказал Соколов, - так молодых ребят к наркотикам приучают, чтобы потом они сами к «учителю» за товаром бегали, молились на него, выполняли все, что ни потребует... Кстати, про ту статью Велехова, он ее дописал?

- Конечно, и напечатали, у меня, по-моему, где-то сохранилась вырезка.

- Тогда принесите мне ее на днях, если найдете, может, свет прольет на это темное дело, - заулыбался Соколов Анне, она тоже очень тепло посмотрела на него. - Гляжу я на вас сейчас, Анна Викторовна, и сам себе удивляюсь, почему при первой нашей встрече так недоверчиво к вам отнесся. С этой работой крыша ехать начинает, во всех только преступников видишь, кажется каждого второго пересажал бы. Кошмар!.. А ведь вам действительно должно быть очень непросто. Все-таки любимый человек погиб, да еще так глупо... Вы простите меня, старого грубияна. Хорошо?

- Я же не в обиде на вас. А что касается любимого человека, то... у нас с Михаилом были слишком сложные

отношения, чтобы это можно было просто любовью. Два одиноких человека, каждый по-своему несчастен, сошлись, привыкли друг к другу. Я теперь с ужасом думаю, что никогда не любила его, связь с ним была, как болото, чем дальше, тем больше засасывало... Воображала себе что-то, выдумывала. Хорошо, что вовремя очнулась, а оно вот как вышло... - Анна задумчиво уставилась в одну точку, но тут же встряхнулась. - Только зачем вам это все, милый Сергей Иванович! Очень приятно было провести с вами этот вечер, спасибо большое, но мне, к сожалению, пора домой.

Анна открыла сумочку, привычным жестом накрасила губы.

- Я просто обязан вас проводить, - сказал Соколов и мягко взял ее под руку.

- Только до автобуса. Хорошего - по-маленьку, - отшутилась женщина, и они вышли из кафе.

До остановки шагали молча, каждый думая о своем. Сергей поглядывал на Анну украдкой, и это не ускользало от ее внимания, она едва заметно улыбалась.

Вечер был теплый, слышалось, как течет с крыши, капает, журчит вода, бежит по мокрому асфальту. Машины, не считаясь с пешеходами, со всей скорости врезались колесами в огромные лужи, разбрызгивая их во все стороны. Какой-то женщине особенно не повезло, она отряхивалась на краю тротуара.

- Нынче весна дружная, - сказал вдруг Соколов.

Анна не смогла сдержать смех.

- Чему вы смеетесь? - спросил Сергей, сам уже начиная улыбаться.

- Просто, когда человек не знает что сказать, он начинает говорить про погоду, про дружную весну, например! Зачем вы так комплексуете, Сергей Иванович? Ведите себя естественнее, мне нравится, когда люди не стараются показаться лучше, чем они есть.

- Хорошо, я буду исправляться.

Они посмотрели друг на друга, встретились глазами, застеснялись и снова пошли молча.

Подъехал автобус.

- Я очень рада, что вы больше не видите во мне врага и

преступника, - быстро сказала Анна, слегка пожала руку Соколова и запрыгнула в транспорт.

Сергей потрогал другой рукой ту, к которой прикоснулась женщина, и долго смотрел вслед автобусу.

Газета выпала из рук Соколова, с секунду он сидел ошарашенный, потом быстро отыскал в ней телефон редактора и схватился за трубку аппарата, но звонок его опередил.

- Зачем же так по-хамски? - со сдерживаемой досадой в голосе спросила Анна. - Я доверилась вам как понимающему человеку, а вы сразу понесли сор из избы...

Сергей просто задохнулся от злости и нелепости ситуации. Он хотел что-то возразить, но трубка часто запищала. Соколов обхватил голову руками:

- Кто же мог?.. А-а... Идиот! - ткнул он себя в лоб кулаком и выбежал из кабинета.

Дербич глупо хихикал с молодой секретаршей в коридоре и пытался ее приобнять.

- Пойдем-ка, - грубо взял его под руку Сергей и, заведя в мужской туалет, дал волю словам. - Ты сопля зеленая, запомни навсегда, на всю свою пустую жизнь вдолби себе в тупую башку - никогда, ничего, ни за что не рассказывать журналистам! Никогда! Ты понял?!

Дербич стоял перепуганный, с неподдельным ужасом глядя на взбесившегося наставника.

- Я же тебе как человеку для будущей работы рассказал! Дело очень необычное, думаю, пригодится тебе, козлу, потом, когда до моего места дорастешь! Ты видел, чего они там еще напридумывали, каких ремарок набросали? По городу чуть ли не маньяк ходит, а милиция не чешется. Вот благодаря таким придуркам как ты, народ про нас черт те что плетет.

Соколов затихал.

- Ты меня перед человеком, перед женщиной в идиотское положение поставил! Что я ей буду объяснять? Как доказывать?.. Хотя, сам виноват, она мне рассказала, а я, трепач...

- Да этот парень, журналист, - робко вставил Дербич, - наехал на меня, мол, это друг мой был, работали вместе, расскажи хоть что как, ну я и разнюнился...

- Да ну тебя, - махнул рукой Соколов. - Дай хоть сигарету. Паша поспешил протянуть пачку.

- Доведете меня, ей богу, - вскинулся вновь наставник, прикурил от протянутой Дербичем зажигалки. - Ты теперь еще к шефу пойди, подскажи газетку почитать, он тебе спасибо скажет. Только ты же первый с работы и вылетишь, за разглашение сведений...

- Да ладно вам, Сергей Иванович, понял я уже все и так.

- Ну понял, так бывай, - Соколов бросил недокуренную сигарету в унитаз и ушел.

По пути Сергей купил букет гвоздик, но уже через минуту понял, как это нелепо. Перекидывая цветы из руки в руку, он поднялся на нужный этаж, позвонил.

Анна возникла на пороге с распущенной гривой волос, в свободном домашнем халате, на ее лице была тень усталости, она грустно посмотрела на Соколова, но вдруг улыбнулась:

- А я вас ждала сегодня, - сказала она, пропуская следователя в квартиру.

- Правда? - радостно спросил тот, тут же застеснявшись, вошел и протянул цветы. - Скромная мольба о прощении.

Анна нежно рассмеялась и с удовольствием приняла букет, уткнувшись в него лицом:

- Давно мне никто не дарил цветы. Спасибо.

В комнате она накрыла столик для чая, и Соколову пришлось ожидать, пока Анна закончит бегать на кухню и сядет напротив. Он быстрым профессиональным взглядом окинул комнату, в которой было множество книг, в том числе две отдельные полки были забиты книгами по психологии, начиная от учебников и заканчивая всемирно известными изданиями. Еще Сергей удивило множество всевозможных игрушечных пауков в комнате, они были расставлены на книжных полках, проколоты на занавесках, ковре, один - черный большущий свисал с люстры, а в свободном углу, под потолком была нарисована паутина с мизгирем в середине.

Анна, войдя в комнату с парящим чайником, перехватила взгляд Соколова и определила вопрос:

- Чтобы стать писателем, надо сперва много-премного

прочитать, чтобы ненароком не написать что-нибудь давно написанное.

Она налила чай и, пододвинув кресло, села наконец за столик.

- Мне кажется, что все в мире уже тысячу раз написано, не представляю, как можно еще что-то насочинять, - произнес Соколов.

- Каждому интересно показать людям тот мир, который видит именно он, потому что никто кроме него так увидеть не может.

Сергей скептически пожал плечами:

- Не буду спорить. Я далек от творческого понимания мира, но стараюсь уважать мнение других.

- И это уже немало.

- А пауки?

- Это мое увлечение.

- Очень странное для женщины.

- В детстве я ужасно боялась пауков, чуть ли не в обморок падала при виде их, а потом где-то услышала удивительную легенду или миф. Жила девушка по имени Арахна, она была ткачиха и достигла в своем деле такого высокого мастерства, что дерзнула вызвать на состязание саму богиню Афину, та, конечно, очень рассердилась и превратила девушку в паука, вечно ткущего свою паутину. По гречески Арахна - означает паук. С тех пор я вдруг прониклась очень теплым чувством к этим несчастным животным, стала интересоваться их жизнью, это страшно любопытно! А сейчас вот собираю всевозможные изображения, у меня даже есть засушенный тарантул. Хотите, покажу?

- Нет, - поморщился следователь.

Анна засмеялась.

- Кстати, самка тарантула во много раз крупнее самца, а после спаривания съедает его. Жестоко, да? И не только она этим занимается...

- Но и некоторые женщины, - очень тихо вставил Соколов. - Смешно, но я снова пришел к вам извиняться, - перевел он разговор на другую тему. - Дурацкая история вышла.

- Это я была не права, накричала на вас утром. У каждого своя работа и свои представления о морали, тем более что журналисты весьма все приукрасили.

Сергей заметно расслабился:

- Самое обидное, что я сегодня дважды получил ни за что. Утром от вас, а в конце рабочего дня еще и от шефа. Пригрозил лишить премии, но это у него любимая присказка. А все из-за моего подшefного, навесили мне молодого следователя-стажера, только-только после института, чтобы я его премудростям профессии обучал. Я, признаюсь, рассказал ему про нашу с вами беседу, а тут его какой-то «жур» и прижал. А я лично, не в обиду вам будет сказано, недолюблю газетчиков, уж больно вы любите свои выводы из всего делать...

- Да Бог с ней, со статьей этой, - вставила Анна, - забудем и не станем ссориться из-за таких пустяков. Расскажите лучше, как идет следствие?

- Пока - никак. Доказательств нет, завтра я намерен навестить одну религиозную общину, но мне для этого нужна статья Велехова, обещанная вами, вы ее отыскали?

- Конечно, потом вам отдам. Что еще интересного?

- Я вам и так слишком много рассказываю. У меня есть профессиональные тайны, - отшутился Сергей.

- Ну, раз у вас есть профессиональные тайны, то и у меня они найдутся. - Анна пристально посмотрела Соколову в глаза, отчего тому стало немного не по себе. - Что вас так смущило в нашем разговоре о Велехове, еще тогда, в первый раз? Вас явно что-то обеспокоило лично. Я бы хотела узнать и, если это требуется, помочь.

- Стараешься меня раскрутить на откровенность? - жестко произнес Сергей.

- Я не могла не заметить ваше странное поведение...

Лицо Соколова помрачнело, даже постарело, он быстро пробежался глазами по линиям тела Анны, что не ускользнуло от ее цепкого взгляда.

- В отличие от Велехова, я не стремлюсь стать вашим пациентом, Анна Викторовна, - сказал он тихо.

- Уверены ли вы в этом, Сергей Иванович? - на этот раз Анна пробежалась глазами по фигуре Соколова. - Не думаю, что вам всего лишь нужно было извиниться за эту дурацкую статью...

Они долго-долго смотрели друг другу в глаза, будто борясь с тайными мыслями и желаниями. Вдруг Сергей поднялся, шагнул к женщине, опустился перед ней на колени и, обняв, уткнулся куда-то в живот. Анна растерялась немного, потом

потянулась к мужчине, но остановилась, потому что он зашептал:

- У меня никого нет, я никому не нужен...

Женщина мягко опустила ладони на его голову и ласково заперебирала волосы:

- Не молчи, - сказала она очень тихо, - расскажи мне все, что тебя мучает. Ты устал, ты устал молчать...

Ночь встретила Сергея бесконечной тишиной, гулкой пустотой улиц и теплой апрельской влагой. Он стоял у подъезда дома Анны, с наслаждением вдыхая весенний воздух и улыбаясь. Достал сигарету, не торопясь прикурил ее и с таким же наслаждением затянулся сладким дымом.

Вдруг обострились все чувства, переполнили с избытком все его существо. Хотелось сделать глупость, и Соколов поднял вверх руки, потянулся и, припрыгивая, пошел по мокрому асфальту, не обращая внимания на лужи. Он расстегнул пальто, снянул с шеи шарф, взмахнул им и накинул сверху на воротник.

Вдруг Сергей остановился, быстро обернулся всем телом назад и постарался найти взглядом окно Анны в доме, откуда он только что вышел. Почти все окна в доме спали, лишь два горели тоскливо. Эти окна были чужие и не грели его душу, но Соколов улыбнулся, он знал и представил себе это, что Анна засыпает сейчас в еще не остывшей от любви постели, усталая и счастливая. Он был уверен, что счастливая, она просто не могла быть сейчас не счастлива, потому что он, как ребенок бежал по улице, подпрыгивая и радуясь всему вокруг.

Уже давно не ходил транспорт, редкие машины не привлекали Сергея, и он шел и шел по спящему городу далеко-далеко, на другой конец, словно на край земли...

Соколов осторожно проскользнул в зал, но незамеченным не остался, к нему подошли мужчина и женщина, улыбаясь во весь рот, они слегка поклонились ему:

- Проходи, брат, да пребудет мир с тобой.

Сергей немного растерялся:

- Не беспокойтесь, я к нему, - указал он на высокого красивого мужчину с бородой, который стоял посреди зала в кругу людей, распевающих хором псалмы.

Соколова все-таки подвели к этому кругу, сунули в руку

книжечку, такую же кустарную ксерокопию, которую он уже видел среди книг Велехова. Сергей окинул взглядом поющих, многие заулыбались ему, тогда следователь встал, словно проглотив кол, и чувствовал себя полным идиотом все те полчаса, которые пришлось слушать их пение, какие-то проповеди мужчины с бородой, потом ждать, пока они все прощаются и разойдутся. За это время он перелистал всю книжечку вдоль и поперек, после чего ему осталось лишь тяжело вздохнуть.

- Вы у нас впервые сегодня? - подошел к нему мужчина с бородой, когда все разошлись. - Хотите побеседовать?

- Я не тот, за кого вы меня принимаете, - ответил Соколов, - я - следователь, но побеседовать хочу и даже очень.

- Тогда присаживайтесь, - указал мужчина на стулья у стены и сел сам.

- Вам знакома эта статья? - спросил Сергей, протянув руководителю газетную вырезку.

Тот пробежал по ней глазами, немного нахмурился.

- Конечно знакома, - ответил после. - И я даже помню ее автора, он приходил к нам на собрание прошлым летом. Посидел, послушал, очень вежливо и мило поговорил со мной, а потом написал эту отвратительную статью. Я тогда только-только зарегистрировал общину и сразу же получил такую оплеуху. Мы написали опровержение в газету, требовали, чтобы перестали чернить свободные собрания верующих. После этого был настоящий скандал в печати, много копий поломано по этому поводу, а писать продолжают и все чаще - не лучшее...

- Может, не зря? - вставил Соколов. - Не так давно автора этой статьи нашли у него дома в петле. Жил себе нормальный благополучный человек - и такое. А чуть позже обнаружились в его квартире и религиозные книги, в том числе и такая ксерокопия, - показал следователь книжечку, полученную им сегодня.

Мужчина с бородой вскочил с места, нервно заходил по залу:

- Почему сейчас появилась такая мания - навешивать вину за все самоубийства на религиозные общины? Мы призываем людей к Богу, к истине. А самоубийство - величайший грех! Это соблазн, который посылает человеку Сатана, искушение. Господь с трепетом и надеждой следит за таким человеком, как-то он выдержит. Человек отступается, Господь

оплакивает его погибшую душу, Сатана торжествует. Люди вокруг начинают судить да рядить умершего, мол, не выдержал, бедный, Божьих издевательств, испытаний жизни, не понимают они, что так льют новую воду на мельницу дьявола, печалят Отца небесного... Отчего случается, что люди, казалось бы пришедшие наконец к вере, вдруг кончают с собой? Значит, вера их была не истинной, значит, много зла и грехов накопилось в их душе. Сатана чувствует, что теряет своего слугу и начинает действовать наглее, посыпает человеку страх, малодушие, слабость и легкое освобождение от них - смерть. Наша задача спасать таких людей от неверного шага, помогать им, но иногда бывает слишком поздно...

- Благодарю за великолепную проповедь, - сказал Соколов, когда мужчина замолчал. - Только у правоохранительных органов несколько иной взгляд на возросшее число самоубийств, особенно среди молодежи. Я не спрашиваю вас, откуда у этого журналиста появились другие книги, но ваша, именно ваша, как могла к нему попасть? Ведь не подарили же вы ее ему в знак благодарности за чудесную статью о вас?

Мужчина стоял, скрестив руки на груди, и с жалостью смотрел на потерянного, в его понимании, Богом человека:

- Неужели достаточно одной маленькой книжки, чтобы сразу обвинять в преступлении? - спокойно спросил он.

- Да я же вас ни в чем не обвиняю! - возмутился Соколов.

- Мне просто необходимо докопаться до причин этой смерти. В мои руки попадает зацепка, конечно же я за нее хватаюсь.

- Я не могу объяснить, где он взял нашу литературу, - произнес руководитель. - При моей встрече с ним, первой и последней, она не могла попасть к нему в руки, потому что мы тогда только встали на ноги и не успели обзавестись книгами, не напечатали... Возможно, позже ему кто-то ее подарил. - Мужчина немного помолчал, а затем решительно сказал. - А вообще, с вашими вопросами об общинах, их деятельности, их вреде и пользе, вам бы следовало обратиться не ко мне.

- Я пришел к вам только потому, что статья написана именно про вашу общину.

- Я понимаю, - спокойнее ответил мужчина, - но мне известно, что у нас в городе существует некий Центр помощи жертвам нетрадиционных религий. Я думаю, вам надо

обратиться к ним, вы лучше поймете друг друга. А со мной разговор вряд ли получится.

- Всего хорошего, - поднялся со своего места следователь.

- Ступайте с Богом, - мягко сказал мужчина, печально глядя вслед Соколову.

- Я только хотела узнать, как ты вчера добрался, - голос Анны в трубке звучал ласково. Сергей чувствовал, что она улыбается, и тоже улыбался ей. - Тебе еще не надоело, что я звоню по утрам и задаю тебе один и тот же вопрос?

- Конечно нет.

- Бедненький, ты, наверное, опять не выспался?

- А ты?

- Что я, я еще в постели. А ты - на работе... Знаешь? Я сейчас обнимаю подушку, на который ты лежал, - Анна заговорила тише, - она пахнет тобой...

- Господи! Ты с ума сошла, кое у кого есть обыкновение периодически прослушивать наши телефоны...

- Пусть завидуют.

- Это безумие какое-то, Аня. Надо работать, а я сижу, курю, смотрю в окно и мечтаю о каких-то глупостях...

- Это не глупости.

- На меня с самого утра свалилась куча дел. Вечер весь забит. Я не смогу сегодня...

- А тебе хочется?

- Глупый вопрос...

- Ты который вечер уходишь от меня и оглядываешься на мои окна...

- А ты подсматриваешь?!

- Я специально не включаю свет, чтобы ты не заметил.

- А я, наивный, думаю, что ты уже спишь! Ты лучше сразу засыпай, мне будет спокойнее.

- Дурачок, мне очень приятно видеть, как ты счастлив. Ты не умеешь сдерживать свои чувства...

- Пожалуй, ты права, я действительно дурак старый, на тебя чуть больше двух недель и так... Теряю профессиональную квалификацию!

- Ты о чем-нибудь жалеешь? - голос Анны дрогнул.

- Нет, никогда.

- Значит, опять надумываешь себе какие-то глупости, мы, кажется, уже об этом говорили, - Анна заметно расстраивалась.

- Анейка, милая, перестань, а поговорили мы еще далеко не обо всем.

В кабинет постучали, и зашел Дербич. Соколов знаком указал ему на стул.

- Прости, мне надо работать. Постараюсь на днях зайти, - он положил трубку.

- Где дело Велехова? - озабоченно спросил подопечный.

- Где-то в сейфе валяется. В архив его снести, что ли?

- Странный вы какой-то, Сергей Иванович, в последнее время, рассеянный.

- И не говори лучше... А что, у меня что-нибудь не на том месте? - Соколов заулыбался.

- По-моему, у вас не на том месте крыша.

- Надоел мне этот Велехов пуще горькой редьки!

Посмотри, что на столе творится, - Сергей показал Паше пачки дел, - и какие все, уж если кража - так на такую сумму, что закачаешься, уж если кто кого побил, так обязательно с крепкими последствиями. Все на Соколова валят. Брошу все и уйду в монастырь.

Сергей откинулся на стуле и заложил руки за голову.

- Боюсь, что с монастырем придется пообождать, - серьезно произнес Паша. - Дело в том, что сегодня утром мне позвонила женщина, она попросила о встрече, сказала, что события, описанные в той злополучной статье, очень уж напоминают ей обстоятельства смерти мужа.

Соколова окатило ледяной волной, и он будто рухнул с неба на грешную землю, нервно заперебирал бумаги на столе, затем вскочил с места, прошелся по кабинету, остановился, устало потер лицо руками и посмотрел на Дербича:

- Она оставила адрес?

- Конечно, вот, - протянул тот следователю листок. - Выходит, я невольно сослужил вам услугу с этой статьей...

- Медвежью, - огрызнулся на него Соколов.

- Моя помощь еще нужна?

- Спасибо, ты уже помог! - Сергей сел на место. - Извини, Паша. Как у тебя продвигается с делом Силина?

- Помаленьку.

- Съезди, допроси Краснову, потом мне доложишь, как вышло. Шагай.

Дербич ушел, а Соколов уткнулся в ладони и долго так сидел, не шевелясь.

Дверь открыла маленькая худенькая женщина в очках, в застиранном халате. Из-за ее спины выглянула девочка лет семи и сразу убежала в комнату.

- Соколов, следователь второго отдела милиции, - показал Сергей корочки. - Мне мой помощник передал, что вы просили о встрече.

- Да, проходите, - женщина пропустила гостя в квартиру и закрыла дверь.

В глаза Соколову сразу бросилась теснота и бедность жилья, залапанные, кое-где ободранные обои. Из маленького закутка около большой комнаты, шаркая ногами, выглянула старушка, такая же крохотная и худенькая, как хозяйка.

- Кто к нам пришел, Верочка? - спросила она у женщины, близко подходя к следователю и заглядывать ему в лицо.

Сергей поздоровался, снял пальто, не зная куда его повесить, так как вешалка в прихожей болталась на одном гвозде. Вера взяла у него пальто и отнесла в комнату, по пути отвесив дочери шлепка за то, что она целилась из игрушечного пистолета в Соколова, затем женщина потихоньку, но настойчиво, завела старушку обратно в ее закуток и наконец пригласила Сергея на кухню. Согнав с табуретки кота и смахнув с нее шерсть, хозяйка усадила гостя. Сама села за стол, взяла в руки спичечный коробок и с этого момента теребила его почти до конца разговора, не давая Соколову сосредоточиться.

- На днях мне попалась газета с этой статьей, там написано все так, будто было со мной, точнее - с моим мужем, бывшим... - женщина очень волновалась, сбивалась с мысли, - он покончил с собой два года назад... Прожили мы вместе восемь лет, Олеся родилась через год после свадьбы, Андрей - муж - в ней души не чаял, сам пеленки стирал... Мне теперь это все сном кажется. Когда Оле исполнилось четыре, Андрей запил, запил по-страшному, недельными запоями, с жуткими скандалами, бил меня, замахивался на дочь, но что-то его

останавливало, он только просил всегда, чтобы я ее убрала подальше от него. Мы убегали из дома, ночевали у соседей, у знакомых. Ну в общем ад...

Соколов слушал женщину и все боялся, что она заплачет, придется ее успокаивать, но глаза Веры словно остекленели, остановившись на одной точке. Она вся была там, в прошлом:

- Когда я пыталась поговорить с Андреем трезвым, он только плакал, говорил, что ему нельзя жить на этом свете, что он последний скот. Потом он снова запивался, и все повторялось. Его что-то явно беспокоило, но что, я добиться не могла. А как-то в газете я прочла объявление о приемах частного психолога, Я знала что это дорого, но ничего, денег нашла... Так вот. После трех сеансов Андрей пришел домой очень странный, взял кое-какие вещи, попросил прощения за все, сказал, что снял себе комнату, и ушел. После его ухода, я пошла сама сходить к этому психологу, узнать что же все-таки случилось с мужем...

Психологом оказалась красивая молодая женщина. То, что она мне рассказала... это ужасно, у меня до сих пор холдеет внутри. - Вера наконец оставила спичечный коробок в покое. - Одним словом, мальчишкой Андрей дружил с ребятами постарше себя, около них все время вертелась девочка, лет семи, они играли вместе. Все было нормально. Но однажды самый старший парень, достал где-то водки, угостил ребят, а потом заставил их раздеть девочку, раздеться самим и баловаться с ней. Ребята не хотели сначала, испугались, но тот парень избил одного из них и заставил. Что уж там у них получилось, не знаю. Андрюша у них был самый маленький, вообще ничего не понимал, плакал, его тоже побили, напоили водкой, раздели, долго издевались уже над ними обоими... Потом это повторялось не один раз долгое время, пока не узнали взрослые. Ребят запугали, развели по разным школам, разменяли квартиры на другие районы... Кто тогда мог подумать, во что это выльется... Когда наша дочь подросла, у Андрея в памяти проснулась та детская история, и он почувствовал влечение к собственной дочери... Вы понимаете, о чём я?.. С Андреем я больше не встречалась, слышала, что у него все хорошо, появилась другая женщина. И однажды я встретила его и ту женщину-психолога вместе. Они меня не заметили, шли под ручку, улыбались... На развод я так и не подала.

Прошло почти полгода, а шестого августа, рано утром,

ко мне прибежала женщина - соседка мужа по квартире, она была очень испугана. Сказала, что Андрей ночью вскрыл себе вены, ванная в крови, что я должна это все убирать, ведь я - жена... - Вера замолчала, взгляд ее сделался более осмысленным, она вернулась в действительность, потом добавила тихо. - Прошло два года, а словно - вчера, перед глазами кровь, кровь... милиция, ужас... А тут еще эта статья в газете..

Шаркая ногами, на кухню прибрела старушка:

- Верочка, мама хочет чаю.

Бабуля вновь увидела Соколова, будто вспомнила что-то, недоверчиво посмотрела на него и зашаркала в свой закуток.

- Это она после наших скандалов такая стала, переживала очень, плакала постоянно, старая головушка и не выдержала...

Сергей тоскливо посмотрел вслед старушке.

- Вам, к сожалению, придется еще не раз повторить эту историю, Вера?.. отчества не знаю...

- Анатольевна. Титова Вера Анатольевна.

Соколов достал записную книжку из кармана пиджака:

- У вас есть телефон?

- Только рабочий.

- Запишите, пожалуйста, - следователь протянул женщине ручку и книжку. - Я вызову вас на дниах, чтобы оформить ваши показания... Пока нужно будет поднять в архиве дело вашего мужа. Напишите мне его данные, фамилию, имя, год рождения.

- Титов Андрей Васильевич... А нельзя, чтобы вы как-нибудь сами, по памяти, записали показания, мне не хочется снова все вспоминать?

- Простите, но это невозможно, - Соколов засунул веци в карман и вышел в коридор.

Вера принесла ему пальто из комнаты, отряхивая на ходу:

- Кот уже успел полежать, уж извините, беспорядок у нас такой...

Сергей спешно оделся, попрощался и выскоцил из квартиры.

Его словно душило что-то, крепко обхватив. Следователь шел по улице, не замечая ничего вокруг, распахнув пальто, ослабил галстук, расстегнул верхние пуговицы на рубашке, но все равно задыхался. Вдруг понял, что это слезы, глаза защипало, комок в горле совсем не давал вздохнуть, заныло под лопаткой. Сергею пришлось остановиться, успокоиться, отдохнуть...

Он увидел магазин невдалеке, немного поправил на себе одежду и неуверенной походкой пошел к нему.

Анну разбудил звонок в дверь. Она включила ночник, взглянула на часы - было почти четыре утра, спросонья она не сразу нашла халат, замешкалась, и звонок повторился.

- Ты с ума сошел, - произнесла Анна, когда увидела на пороге Соколова.

- Пока еще нет, - буркнул тот и шагнул в квартиру, отпихнув женщину.

Сразу прошел на кухню, не раздеваясь. Анна недоуменно посмотрела ему вслед, закрыла дверь и зашла за ними.

Сергей сидел за столом, на который выставил бутылку водки и уже успел взять стакан. Анна остановилась у дверей кухни, скрестив руки на груди, и молча следила за гостем. Он сорвал пробку с бутылки и налил полстакана водки.

- Будешь? - зло спросил он Анну.

- Нет, да и тебе, по-моему, уже достаточно. - Она достала из холодильника колбасу на тарелке, сыр, поставила перед Соколовым. - Пей и ложись спать, потом поговорим.

- Успеем выпасть, завтра суббота - дрыхни хоть целый день. - Сергей заглотил спиртное, к закуске не притронулся.

Анна пересилила свое недовольство и тоже села за стол:

- Может, скажешь, что у тебя случилось? - спросила она как можно мягче.

- Ничего особенного, просто - хреново, - Соколов налил себе еще водки, поднял стакан, но тут же отставил его. - Сядь ко мне, - сказал он женщине и хлопнул себя по коленке.

- Ты пьяный, - отказалась Анна спокойно.

- Противно? - спросил Сергей вызывающе.

- Просто первый раз вижу тебя в таком состоянии.

Интересно, что еще будет.

- А ничего хорошего не будет, будет только боль, одна сплошная боль... - Соколов посмотрел прямо в глаза женщине, и та заметила в его взгляде страх, отчаяние, но и безрассудство.

- Давай, ты снимешь пальто, умоешься, ляжешь и мы поговорим.

Анна подошла к нему, хотела помочь снять одежду, но Соколов сильно схватил его за руки и, вывернув их ей за спину, притянул к себе. Женщина сморщилась от боли:

- Отпусти, соображай, что делаешь.

Сергей немножко ослабил хватку.

- Ты мне сегодня не нравишься, - серьезно сказала Анна.

- Напрасно, - цинично проговорил Соколов.

Он встал около, с силой обхватил лицо женщины рукой за подбородок и внимательно посмотрел ей в глаза. Анна отбросила его руку.

- Прекрати, Соколов! Или ты сейчас же уйдешь, - она вышла с кухни.

Сергей потер лицо руками, встряхнулся и, сбросив на табуретку пальто, прошел за Анной в комнату. Подойдя к женщине, он вдруг резко рванул на ней халат, разлетелись пуговицы, обнажилась грудь. Соколов наотмашь ударил Анну по лицу, она вскрикнула, пошатнулась, тогда он ударил ее еще раз. На губе женщины выступила кровь. Схватив Анну за волосы, Сергей рывком отклонил ее голову и впился зубами в нежную кожу шеи. Анна закрыла глаза и застонала. Соколов стал тискать, с силой мять ее тело, то целуя, то, большей частью, кусая его. Женщина жалобно стонала от боли, но и от наслаждения, не сопротивлялась, а наоборот, отдавала себя во власть мужчине, его жестоким ласкам.

- Я разорву тебя, - почти прорычал Сергей.

- Да, - прошептала Анна, - сделай мне больно, еще... я хочу... я хочу от тебя боли, только боли...

Утром Соколов был молчалив, прятал глаза, а Анна все время хотела заглянуть в них. Ее лицо откровенно светилось счастьем и любовью, несмотря на синяки и прочие следы грубой ночной любви.

Когда они сели завтракать, Сергей заметил на шее Анны след от укуса и сразу же испуганно отвел глаза. Женщина осторожно опустила ладонь на его руку, лежащую на столе, почувствовала, как та дрогнула и сжалась.

- Сережа, ты жалеешь о чем? - спросила Анна тихо.

Соколов внимательно посмотрел на нее, потом ответил также тихо:

- Нет.

- Но тебя что-то беспокоит, я же вижу.

- Тебе не надо знать. Я боюсь, что ты не поймешь, совсем разочаруешься во мне, я не хочу этого.

- Дурачок, - Анна нежно улыбнулась и прикоснулась к щеке Сергея, - понимать людей - моя профессия.

Соколов испуганно взглянул на нее:

- Мы переходим на деловые отношения? Кажется, ты сама говорила, будто не хочешь оставаться лекарем в объятиях мужчины...

- Все не можешь простить мне Велехова? - в глазах Анны сверкнул гнев. - Ты, конечно, не отказался бы остаться следователем даже в объятиях любящей женщины...

Соколов усмехнулся в ответ, закурил.

- Пойми, Сережа, я хочу, чтобы у нас получилось многое... Наверное я не смогу объяснить точно то, что чувствую, трудно поверить, даже мне самой... что я ...влюбилась? Это слишком громко, смешно; увлеклась - очень уж просто... Знаешь, я никогда не чувствовала ничего подобного... Господи! Как это банально и глупо звучит!.. Но это так... То, что было между нами... именно сегодня... пойми меня правильно... это - перевернуло все мое существо. Я... я вдруг почувствовала себя женщиной... понастоящему, до конца... и это ты помог мне меня познать... Сережа, ты сделал большую ошибку, - Анна улыбнулась грустно, - ты привязал меня к себе... но мне страшно, страшно, что ты... ты лишь играешь со мной? - женщина говорила искренне и страстно, голос ее едва заметно дрожал от сдерживаемых слез.

Сергей растерянно смотрел на нее, не зная, верить ли ей, что ему делать, как вести себя теперь. Анна спрятала лицо в ладонях и прошептала:

- Обними же меня, скажи, что я нужна тебе...

Соколов приблизился к ней, опустился на колени и, обняв, уткнулся ей в грудь:

- У меня нет друзей, у меня нет никого... поэтому ты должна понимать, как я к тебе отношусь. Но я тоже боюсь... мне хочется верить тебе, хочется быть с тобой, но я... возможно, мне просто не везло по жизни... то, что было сегодня... я ненавижу себя за это, не могу себе этого простить, но это я. Я такой, какой я есть... - Сергей вдруг замолчал, обнял Анну крепче.

- Не молчи, говори еще, говори, - она обняла его голову и припала губами к волосам.

- Ты будто знаешь, что именно надо со мной делать, - задохнулся от избытка чувств Соколов. - Мне совсем скоро сорок, а я до сих пор помню это... Меня никто не любил маленького,

меня будто не существовало, о моем дне рождения в семье никто, никогда не вспоминал, мне не дарили подарки... Праздники всегда были сплошным кошмаром, я до сих пор их ненавижу, стараюсь напроситься на дежурство... Отчим напивался, гонял мать, а я забивался в угол и ревел, потому что ничем не мог ей помочь. Тогда доходило дело и до меня. Он за шкирку так возьмет: «А, щенок, ты не мой!».. и лупит до крови. У меня с тех пор нижняя губа оторвана, без уздечки... А я, дурак, какой был всегда, такой и остался... Меня гоняют, а я хочу что-нибудь хорошее сделать в ответ, пол подмету, посуду перемою, приберусь... А мать? Что мать, у нее еще трое, не до меня, я - старший... Один только раз, всю жизнь это помню, представляешь? С этим, видно, и сдохну... Пошел за дровами, потянул, дурак, полешко снизу, вся поленница на меня и рухнула. Мать прибежала из дома, на мороз раздетая выскочила, из-под дров меня тащит, ревет, кричит, обняла меня так же вот за голову, точно так же, как ты сейчас, и долго-долго гладила... Я почему-то не ревел тогда. А теперь - реву, как дурак, ты меня так же ласкаешь...

Господи! Я так хочу верить тебе... Перед армией девчонку встретил, она меня постарше была, так даже из школы встречала, а я тогда девчонок боялся страшно, все десять классов с мальчиком просидел за одной партой. С ней же мне так хорошо было, полюбил до смерти, бредил ею... били меня сколько за нее, а она меня отбьет, от крови отмоет, обнимет так же вот за голову и гладит, гладит... в армию ушел - не женился, родители сказали, что вот станешь настоящим мужиком, тогда вперед. Она меня ждала, писала постоянно, я только так в армии и выжил, во всем этом деръме, только благодаря ей... После дембеля домой летел, неделю на поезде, как один час запомнил... первое, что узнал дома, что моя подружка, любовь моя единственная и неповторимая, уже год как замужем, писала мне потому что жалела, меня, оказывается, в селе за какого-то убогого считали, я ведь странный такой был, ранимый, у матери - нагулянный, отца - днем с огнем не съшешь... Встретил я подружку мою в тот же вечер на улочке, в темном переулочке. Она ко мне: «Сереженька!». А я, сам не ожидал, со всего размаха ей в лицо кулаком, дальше уже ничего не соображал, бил куда попало, ревел и бил, через сколько время ребята меня оттащили - не знаю. Она без сознания уже лежала... Только самое-то главное, вот оно где!

Тут-то оно и есть, знаю я это, знаю! Когда был, такое дикое желание возникло, что если б ребята не оттащили, я бы тут же ее, избитую, в крови и... На другой день вспомнил, ужас такой в душе, что непоправимо все, хотел сам в милицию сдаться, но уладили. Меня водкой отпоили, ее - отмыли, шрамы запудрили, с муженьком ее мы бутелек раздавили и порешили, что я еду раз и навсегда. Так жизнь и покатилась. На баб лет пять смотреть не мог, так, шлюху какую сниму на ночь, самому потом противно, не то все, не то было, про нее думал с каждой... Попалась, наконец, мне умная женщина, сумела меня полюбить, поверъ, прекрасный была человек, но я... Вроде у нас с ней все хорошо было, а мне словно не хватало чего-то... Один раз напился, как скотина, избил ее, изнасиловал, вот тут-то и получил то, чего мне не хватало много лет... Она от меня на другой же день ушла, молчала, плакала, а я сдохнуть хотел и только... Много лет я, Анечка, никого себе не позволял, и вдруг - ты, так легко, играючи вошла в мою жизнь, я даже опомниться не успел... Только обняла меня тогда, в первый раз, вот так же, и я словно дурак сделался... Господи, милая моя, прости меня, прости, если хочешь - прогони, только не презирай за то, что я такой, я этого уже не смогу вынести, не смогу. Я очень, очень устал...

Анна подняла лицо Соколова, нежно коснулась его губ губами:

- Я не только не прогоню тебя, я тебя - не отпушу... Это - судьба...

- Или Рок? - добавил обреченно Сергей.

Следователь стоял у окна своего кабинета и курил уже третью сигарету подряд. На его рабочем столе лежало дело Титова, и приступиться к нему Соколов очень боялся.

Апрель за окном был в полном разгаре, сырой и солнечный, звенящий синицами...

Сергей ткнул сигарету в пепельницу на подоконнике, решительно сел за стол и открыл дело. Пробежав глазами показания жены Титова, которые он уже отчасти слышал от нее, просмотрев протокола, справки, он наткнулся на объяснения свидетеля Кривцова. Прочитав небольшой текст показаний, Соколов оживился, быстренько списал к себе в записную книжку его адрес и, прихватив куртку, выскоцил из кабинета.

В коридоре он налетел на Дербича, который шел к нему с томом дела в руках.

- Паша, дорогой, придется тебе самому доводить до ума Силинское дело. Ты ведь у меня уже самостоятельный? - Сергей похлопал парня по плечу и пошел было дальше.

- А вы-то куда? - задержал его вопросом Паша.

- Туда же, восстанавливать светлую память Велехова. Если я добью это дело, мы с тобой обязательно выпьем!

Соколов сбежал по лестнице, а Дербич вздохнул и поплелся обратно к себе.

Дверь долго не открывали, следователь собрался уже уйти, но тут услышал возню за ней и позвонил еще раз.

На пороге возник взлохмаченный мужчина в наспех натянутых спортивных штанах и бегающих взглядом.

- Кривцов Дмитрий Петрович? - спросил Сергей.

- Да?

- Следователь Соколов, - показал он корочки, - хотел бы задать вам несколько вопросов.

Вместо того, чтобы впустить следователя в квартиру, мужчина вышел на площадку и прикрыл за собой дверь.

- Не вовремя вы, понимаете?.. Я не один. Давайте попозже... Да и какие могут быть ко мне вопросы? Я чист.

- Это касается не вас, а вашего покойного друга Титова.

Кривцов неподдельно и очень заметно удивился, потом нахмурился:

- Зачем же через два года снова покойника трясти?

- Даже через такой срок вдруг могут открыться новые обстоятельства. Ну, как я понимаю, разговор у нас с вами сейчас не получится... Вечером вы свободны?

- Да, но хотел бы поговорить не в домашней обстановке. Встретимся в центре, у универмага.

Кривцов скрылся за дверью.

Анна встретила Сергея закутанная в теплый халат и пуховый платок, покашливала:

- Приболела вдруг, - пожаловалась она, - но обед тебе готов.

Она приобняла Соколова, он холодно поцеловал ее, был очень деловит и отчего-то старался не смотреть женщине в глаза. Анна заметила все это, нервно поежилась, но Сергею ничего не сказала.

Пока Соколов ел суп, медленно, и, словно не чувствуя его вкуса, думая о чем-то своем, она сидела напротив, внимательно и немного виновато смотрела на него:

- Ты снова чем-то озабочен, недоволен. Я сразу начинаю комплексовать, принимаю это на свой счет.

Сергей наконец посмотрел на нее, но все равно как-то рассеянно:

- Не обращай внимания, просто устал.

- В таком случае, мое предложение должно тебя порадовать и отвлечь. Хоть ты у меня и не любитель праздников, но постараися не дежурить первого и второго мая. Пора начинать дачный сезон. Мне хочется расслабиться, забыть о косметике, кремах, стильной одежде. Хочется надеть штопаные спортивки, застиранную курташку, платок и зарыться в землю. Не очень боишься охладеть ко мне после такого преображения?

- Думаю, что даже фуфайка тебя не изуродует, - отвлекся, наконец, от своих дум Сергей. - Только для меня дача - это цветы, посыпанные гравием дорожки, любование закатом с резной скамеечки под шум самовара, а не шесть соток картошки и прочей овощной дребедени.

- Я с тобой вполне согласна. Дорожки с гравием и клумбы я тебе обещаю. Только вряд ли ты откажешься и от свежей зелени с собственной грядки. Впрочем, не бойся, работой я тебя не завалю. Значит, мы едем?

- Еще почти целая неделя впереди, дожить надо! - улыбался Соколов.

- Пообещай мне, пожалуйста, я буду ждать, и мне будет радостно.

Сергей слегка пожал руку Анны, лежащую на столе:

- Давай подождем, дорогая. В жизни еще столько может произойти за эти дни... - лицо его снова стало задумчивым и печальным.

- О чём ты, Сережа? - сникла женщина.

Соколов ничего не ответил и поднялся из-за стола.

Следователю пришлось минут десять прогуливаться около универмага, пока к нему не подошел Кривцов. Соколов его сперва даже не узнал, настолько тот отличался от утреннего Кривцова: в кожаной куртке, модных джинсах, гладко причесанный.

- Пойдемте, - пригласил он следователя.
- Куда? - удивился тот.
- Не будем же мы разговаривать прямо здесь, сыро и холодно.

Соколов последовал за Кривцовым, и он завел его в подвалчик-бар, усадил за свободный столик, а сам отошел к бармену, поговорил с ним пару минут, и следователю стало ясно, кто владелец этого заведения.

Кривцов сел за столик, поставив на него пару бутылок пива, бросил пачку дорогих сигарет, достав перед этим одну и закурив.

- Начнем, - сказал он, по-хозяйски развалившись на стуле.
- Сколько времени вы знакомы с Титовым? Были знакомы... - поправился Сергей.

- Даже не помню точно. С института, может, лет пятнадцать. Он не доучился, бросили уехал, но все-таки вернулся сюда. Я пробовал втянуть его в бизнес, но у Андрея не было нужной хватки, да и вообще...

- Что - вообще?
- Знаете, есть такие люди, неприспособленные, что ли. Вот Титов именно такой и был. Много за что в жизни брался, а до конца ничего не доводил. Странный был человек... Ну, а совсем дурной сделался, когда свою Веранду встретил..

- Кого-кого? - не понял Соколов.

- Верку, жену, два сапога пары... Хотя, честно сказать, последнее время мы с Андрюхой отдалились. Я человек занятой, времени свободного ни минутки. Так что разбираться в его проблемах мне было некогда и, если вы спросите, отчего он вдруг вздернулся, я вам скажу - не знаю.

- Меня больше интересует личная жизнь Титова перед смертью. Насколько мне известно, он ушел от жены и долго жил отдельно. У него кто-то был?

- А-а, - протянул с улыбкой Кривцов, - вы намекаете на

Анюту, - в глазах его при этом засветился похотливый огонек. - Классная женщина, до сих пор не могу понять, чем Андрюха ее привлек. Признаюсь, я сделал все возможное, чтобы отбить ее у него. Однако - остался ни с чем. Андрей очень изменился, благодаря ей, стал следить за собой, бросил пить, все удивлялся, как мог позариться на свою Веранду, когда есть ТАКИЕ женщины... И вдруг - вспорол себе вены. - Кривцов умолк на мгновение, отпил пива. - Для себя я его самоубийство объяснил просто - его прибабахами. Еще в институте за ним замечал, бывало, ему слова сказать нельзя, распихуется, зашвыряет все, что под руку попадет, переломает, а потом сядет и заревет. Помню, когда перепьет, все грозился в окно выпрыгнуть. Всерьез ведь такие вещи стараешься не воспринимать, видимо - зря. Думаю, что Анюте надоела его придурь, она его и послала подальше, да попала не в струю...

- Все Анюта, да Анюта, а кто же она такая? - хитро спросил Соколов.

- Шикарная женщина!

- Это я уже понял. Чем она занималась?

- Смешно, но получилось, что я подарил Андрею лотерейный билет, как в той частушке: «Подарила в лотерею куму свой билет кума. Кум теперь «Москвич» имеет, а кума сошла с ума!» Когда он запил, я в какой-то газете наткнулся на объявление о частном психологе. Говорю, чем тебе по больницам задницу под уколы подставлять, иди-ка лучше к частнику, вдруг - поможет. Дал ему денег на сеанс, а тем самым психологом оказалась Анюта. Так у них и завертелось...

Соколов растерялся:

- Или я дурак, или... Буквально несколько дней назад я разговаривал с женой Титова и узнал от нее, что это она нашла в газете объявление о психологе, она - насобирала денег на лечение мужа, рассказала мне жуткую историю, а о вашем существовании даже не заикнулась!

На лице Кривцова появилась тень раздражения:

- В следующий раз, прежде чем допрашивать Верку, психиатрическую экспертизу назначьте. Она же дура окончательная, она вам наплется. Вовек бы ей не догадаться Андрюху к психологу отправить! Я ведь его отговаривал жениться, а она, дура-дура, а соображает, девку родила и привязала мужика... Но, все-таки, зачем вам это снова? Андрюха

- в земле. Забыть пора.

- Забыть-то пора, - тихо сказал следователь, - да только в середине марта еще один такой же самоубийца, влюбленный в психолога, отправился на тот свет. Случайность?.. - он поднялся из-за столика.

- Постойте-ка! Это снова она? Анюта! - воскликнул Кривцов с восторгом. - Вот это женщина!

Сергей с тоской посмотрел на него и, ничего не ответив, ушел.

Подвязав волосы выцветшим платочком, Анна вышла из дома, на крыльце она прихватила пустое ведро и махнула рукой Соколову, который лихо копал грядку неподалеку.

Майские праздники выдались на редкость жаркими и солнечными. Земля просохла, вовсю зазеленела трава, и птицы, обезумев от буйной весны, орали наперебой.

Анна заметила большого паука, который сплел на крыльце паутину и теперь выполз погреться на самую середину.

Женщина с наслаждением вдохнула деревенский воздух, зажмурилась на солнце.

- Пока ты принимаешь солнечные ванны, - крикнул ей Соколов, расправившись и воткнув лопату в землю, - я тут все перерою и съем тебя вместо обеда.

Сергей отряхнул руки, скинул ветровку, повесил ее на лопату и подошел к Анне.

- Я еще не стал похож на крота? - он притянул ее к себе.

- Не совсем, - женщина, засмеявшись, увернулась от его губ. - Смотри, какой! - показала она Соколову паука.

- Ха-ха! - Сергей сбежал с крыльца и вернулся с веточкой.

- Я сейчас ткну его в брюшко, и он лопнет!

- Не надо! - испуганно остановила его Анна, - пожалей, у него тоже весна. - Она нежно взглянула на Соколова. - Тебе нравится здесь?

- Мне нравишься ты.

- Фу, какой ты несерьезный! Ладно, я пошла за водой, приготовлю чего-нибудь вкусненького, а то ты и вправду меня съешь.

Анна сошла с крыльца, а Сергей присел на него и, не спуская глаз с фигуры женщины, удаляющейся к калитке,

закурил. Взгляд его снова сделался озабоченным, тревожным, потом в нем появилась тоска. Соколов со злостью шарахнул кулаком по доскам крыльца.

Хлопнула калитка, он вздрогнул, отчаянно взглянул туда, бросил окурок, быстро подошел к Анне и, взяv у нее ведро, страстно обнял женщину свободной рукой, уткнулся ей в плечо.

- Ну что с тобой опять, Сереженька? - она легонько погладила его по щеке.

Соколов поднял голову, посмотрел Анне в глаза - они были ясные, честные, полные любви и счастья.

- Я же люблю тебя, как я могу?.. - прошептал он.

Анна звонко рассмеялась и, выбравшись из объятий Сергея, пошла к дому, играво покачивая бедрами.

Вечером они сидели на крыльце, обнявшись, провожали закат. Затихал, уходил спать на ночь ветер, щелкал соловей. Где-то лаяли собаки, вскрикнул соседский петух, но, опомнившись, замолчал на полуслове.

- Это похоже на рай, - сказал негромко Сергей, - отсюда уже никуда не надо бежать... Кажется, я начинаю понимать, почему после этих трагедий ты ехала именно сюда...

Анну словно ударило током и отбросило от Соколова. Она вскочила, будто желая рвануться куда-то.

Сергей, поняв, что ляпнул лишнее, схватил ее за руку, попытался усадить на место, но Анна, с неожиданной силой, вырвалась от него:

- Ты... - она задохнулась от негодования. - Ты же просто чудовище!.. Говоришь мне о любви, нежные слова, а сам... сам ни на секунду не забываешь о своей паскудной работе!..

Сергей хотел обнять женщину, но она отшатнулась от него:

- Не прикасайся ко мне!

Анна заскочила в дом, Соколов бросился за ней, взбежал по лестнице на чердак, где была спальня.

Женщина швыряла на кровать его вещи. Он снова пытался перехватить ее руки, ему это удалось, он притянул к себе Анну, она все еще билась в его объятиях, но все-таки затихла, заплакала.

- Я дурак, я идиот, - быстро заговорил Соколов, - я совсем

чокнулся с этой работой, все время перебираю что-то в голове, подозрительный стал, нервный, крыша едет. Расслабляться разучился... Когда с тобой - думаю об этом чертовом деле, словно хочу докопаться до чего-то нового! Когда на работе, думаю только о тебе, вспоминаю твои слова, твои ласки, как ты целуешь меня!.. Я хочу быть с тобой и любить тебя! Но эта работа, она просто въедается в кровь, становится манией. Долг перед абстрактным государством, народом, а не перед собственной совестью и душой! Чтобы мы были счастливы, я должен все бросить и забыть, а я не могу, не могу! Что мне делать? Я не знаю, как жить. Я разрываюсь между тобой и этим проклятым делом... борюсь сам с собой...

Сергей чувствовал, как Анна слабела в его объятиях. Слезы ее прошли, она лишь всхлипнула несколько раз и совсем затихла. Он нашел ее губы, поднял женщину на руки и унес на постель. Анна обняла его и снова заплакала.

Соколов проснулся от яркого солнца, которое залило их спальню, осторожно вытащил руку из-под головы Анны, поразмял пальцы и встал с кровати.

Раннее утро подморозило, покрытая инеем трава матово отливалась на ослепительном солнце.

Сергей накинул куртку, принес воды, раскочегарил на улице самовар, покурил, затем вернулся в дом, прислушался - на чердаке все было тихо - Анна спала. Соколов улыбнулся.

Подойдя к полке с книгами, он почитал корешки, поперебирал и среди них наткнулся на толстую общую тетрадь, достал ее, раскрыл, через минуту чтения его глаза расширились от ужаса:

«... и это сделала я?! Боже мой! Как во сне все было, что я говорила ему? Слова, слова, они тяжелыми камнями падали на его голову, добивали его. Наконец он узнал меня! Вспомнил все, еще раз, еще раз пережил, все снова, страшно?! Немеют пальцы, слабеют ноги, туманится сознание... Каково тебе было, Андрюша? Я помню только твои глаза, будто от тебя остались только они: огромные, полные бесконечного ужаса, отчаяния! Но меня не трогает ничто, и я говорю, говорю, то переходжу на крик, то - на зловещий шепот... О, ужас! Я испытывала

дьявольское наслаждение от собственной власти, я - судья карающий!.. Господи, как я могу жить после такого?!. Пытаюсь представить его там, в крови, уже остывающего... холдею от этих мыслей, лед под сердцем... Это сделала я...»

Сергей судорожно пролистал несколько страниц.

«...кто же больше виноват? Я или Миша? Оба? Или жизнь так распорядилась, ей было так угодно?.. Как же мне мерзко и страшно!!! Как смею я жить, рассуждать о чем-то, смею обращаться к Богу, молиться? Что же я такое?!.. Я вижу Мишу: он жалкий и несчастный передо мной, а я испытываю то же наслаждение, уже знакомое, все то же, только жертва уже другая. Другая!.. Нужно остановиться, замолчать, я вижу, как ему больно, как страдает его душа, как она кричит, захлебывается страхом!.. Я должна замолчать, но это уже невозможно. Лечу в пропасть, и сердце замирает от сладкого ужаса... Я снова сделала это... Но я не хотела, Господи! Я же не хотела!.. Ты, слабая, ищущая душонка! Ты не можешь признаться себе в том, кто ты теперь, ты боишься заглянуть в себя!.. Не выросли ли у тебя восемь мохнатых ног? Не переполнилось ли твое тело паучьим ядом?! Липкой паутиной оплетен твой мозг, мысли и желания запутались в ней... Удовлетворенная самка, пожирающая совсем недавно любимого и желанного партнера... Далеко ли ты ушла от этих тварей?!!»

Руки Соколова тряслись так, что строки сливались перед его глазами, и он по несколько раз перечитывал одно и то же, а что-то упускал вовсе. Перекинул еще несколько листков. Написано было немного:

«Ты, Сереженька? Я верю в тебя...»

Скрипнула ступенька.

Сергей испуганно обернулся. На лестнице стояла Анна, полностью одетая, с сумкой в руках. Он не слышал, когда она проснулась. На лице женщины было написано полное отвращение и ненависть.

- Ну что, ищайка, нашел? - спросила она с презрением. - Теперь ты доволен? Наконец-то разгадал меня! Браво! - Анна картинно похлопала. - Беги, неси доказательства, выписывай ордер на арест, я подожду, так уж и быть, - она улыбнулась такой улыбкой, от которой Соколов поежился. - Что же ты стоишь? Что ты еще ждешь?!

Анна спустилась с лестницы, подошла к Сергею, свободно взяла из его ослабевших рук тетрадь, взглянула в нее,

закрыла:

- Знаешь, что я скажу при допросе? Что это, - Анна потрясла дневником, - это всего лишь записи для романа, моя большая литературная работа на опыте психологической практики. Переживания героини. Почти уверена, что мне поверят. Я поплачу о том, что такая невезучая, что мне все время попадаются слабохарактерные мужчины. - Анна пихнула дневник в сумку, улыбнулась спокойно. - Ты никогда не увидишь меня за решеткой... Марш наверх, собирай свои шмотки, мы уезжаем. Ты устроил мне великолепные праздники, спасибо.

Анна вышла из дома, бросив с крыльца:

- Захлопни дверь, я буду на станции, - она быстро зашагала к калитке и крикнула уже оттуда. - Самовар кипит, попей чайку!

Сергей догнал ее на платформе, входящей в электричку, схватил за руку, но Анна вырвала ее:

- Я еще не арестована.

Они прошли в вагон, который был почти пуст, сели напротив друг друга. Анна отвернулась к окну.

- Ну перестань же, Аня, - Соколов протянул руку к ее щеке, женщина отбросила ее, посмотрела с ненавистью и снова отвернулась.

- Давай же поговорим! Ты не дала мне и слова вставить!.. Не искал я ничего! Все произошло случайно. Поверь мне...

- Дальше тоже все будет случайно, - сказала она очень тихо.

- Что?.. Что ты сказала? - Сергей взял ее за руку.

- Я сказала, что дома поговорим, не шуми, люди смотрят.

- Да нет тут никого! - взорвался Соколов, осмотревшись.

- Прекрати! - Анна убрала руку из-под его ладони. - Не доставай меня.

Сергей откинулся на спинку сидения, ругнулся про себя и вышел в тамбур курить.

Анна смело вошла в квартиру Соколова, села в комнате в кресло, указала на другое вошедшему следом Сергею:

- Присаживайтесь!

- Хочешь чего-нибудь? - постарался сгладить ситуацию Соколов.

- Да! Накрой, пожалуйста, тот же натюрморт, который ты видел в квартире Велехова и мог бы видеть у Титова. Так, для интерьера, чтобы все как в кино. Вино, сигареты... шоколадом мы, к сожалению, не запаслись.

- Послушай, Анна, я не хочу все окончательно портить...

- Ты не сегодня и не вчера все испортил, так что не старайся. Веди себя достойно... Принеси мне сигареты.

Сергей вышел, вернулся с бутылкой вина, двумя стаканами, поставил их на журнальный столик, выложил из кармана брюк сигареты, сел в кресло. Оба закурили.

- Аня, понимаешь, мы на разных берегах, - начал Соколов, очень серьезно глядя ей в глаза, - а та река, которая между нами...

- ...твоя треклятая работа, - закончила за него Анна. - Как давно ты вышел на Титова?

- Его жена сама нашла меня, рассказала все... правда, потом меня несколько сбил с толку Кривцов.

- Молодец Дима, - прокомментировала женщина с усмешкой.

- Но после разговора с Верой я был в ужасе... Ты понимаешь, что ты делаешь с людьми?.. Ты же уродуешь семьи, судьбы! Легко, походя! Считаешь, что тебе все дозволено! Но это не так!..

- А ты хорошо помнишь историю, которую рассказала тебе Вера? - перебила его Анна. - Она ведь рассказала тебе ее?.. Говоришь, я изуродовала семью? Судьбы?.. А ты помнишь ту девочку, которая бегала в компании, где были и маленький Титов?! Ты помнишь, что с ней сделали, в том числе и маленький Титов?! Представь себе ее! - в голосе женщины послышались истеричные нотки. - Так вот эта девочка - я!..

Сергей сморщился, словно от боли.

- Я росла без отца, была сорванцом, гоняла по двору с мальчишками, в хоккей, футбол, играла в «войнушку». Мне нравились мальчишки: сильные, веселые, честные! Они тогда, наверное, заменяли мне недостаток отца в доме. А потом все разом рухнуло... Первый раз я плакала, мне было страшно, потом стало нравиться, что я тогда понимала! Рассказала, дура,

подружке-однокласснице, а она - учительнице... Я до сих пор помню, как из нашего класса выгнали всех мальчишек, но им было интересно, и они толпились у запертых дверей кабинета, шумели. Осталась одна девчонка, меня выставила перед ними моя первая учительница и в красках рассказала, чем я занимаюсь в свои восемь лет... Помню, что тогда мне очень хотелось иметь в руках большой гвоздь, почему-то именно гвоздь! И разорвать им себе грудь, до сердца, чтобы было очень много крови и «скорая». Из этой школы меня поспешили убрать, но те недели, пока оформляли перевод, были для меня адом, среди девчонок, которые презирали меня, обзываали, унижали...

Я никогда не искала своих обидчиков, мне очень хотелось забыть все это, навсегда. Но потом у меня стали не ладиться отношения с мужчинами. Я замирала в восторге перед ними, потому что у меня никогда не было отца, они все казались мне сильными, мудрыми, они должны были помочь мне, но... всем нужно было только мое тело, а не моя душа... тогда я начинала ненавидеть их, бояться... в подсознании всплывали детские комплексы, я хотела уничтожать мужчин, мстить за себя... но время проходило, я успокаивалась, до нового, казалось, удивительного, мудрого и сильного... уже тогда я заинтересовалась психологией, анализировала свое поведение, мысли, истерики. Потом - выучилась, смогла помочь себе сама, стала увереннее, спокойнее...

То, что ко мне пришел именно Титов, было судьбой, ее злой шуткой. Он меня не узнал, еще бы, прошло больше двадцати лет. А я - узнала, его рассказ только подтвердил мои догадки. Тогда мне казалось, что он и так достаточно поплатился своей несчастливой судьбой... Но жизнь распорядилась иначе. То, что Титов покончил с собой, было случайностью, но я знала, что желаю этого в глубине души, словно затмение нашло, я с маниакальной настойчивостью толкала его на этот шаг. Как? Очень просто, нужно только заманить жертву в сети, опутать, одурманить, начинить своим ядом и оставить на время перевариваться. Пир наступит позже, когда все будет к этому готово. Тогда будет истинное наслаждение, апогей чувств, - голос Анны, казалось, торжествовал, но в глазах ее сквозил бесконечный страх. - Когда все произошло, я словно очнулась. Не могла избавиться от чувства омерзения к себе, ужаса и вины. Я сбежала в деревню и там написала первую часть дневника,

хотя тогда я еще не знала, что это только первая. Я часто выписывала проблемы, которые мучают меня, есть такой способ психотерапии: несколько раз прописываешь ситуацию, перечитываешь ее, анализируешь и приходишь к выводу, что все в порядке, находишь выход. Мне это помогло, я освободилась от чувства вины, простила себя.

Но потом с собой покончил Велехов, и это стало уже закономерностью... Ему слишком хотелось бесконечно быть моим пациентом, слабеньkim, беспомощным, а мне снова захотелось видеть около себя сильного мужчину, чтобы он помог мне. Я ведь специально всегда выбирала партнеров со сходными психологическими проблемами, надеялась, что нам гораздо легче будет понять друг друга. Но с Велеховым этого тоже не получилось. А я уже вошла во вкус, мне нравилась моя власть над ним, что он так зависит от меня. Я испытывала к нему смешанное чувство жалости и отвращения. Второе оказалось сильнее. Велехов был в моих сетях уже очень крепко, когда ему вдруг захотелось лишить свободы меня, глупенький! Настала пора атаковать. Пир состоялся!.. Но утром наступило похмелье. Я впала в панику. Десять дней я провела на даче, перебирая все в памяти, это было время сплошного страха и отвращения к себе самой. Появилась вторая часть дневника, и на этот раз я смогла простить себя, нашла выход. Ты... - прошептала Анна, и глаза ее вдруг повлажнели.

- Пора писать третью часть? - хрипло проговорил Соколов.

- Скажи, тебе было бы очень приятно видеть меня за решеткой?

- Ты говоришь ерунду, Анечка, успокойся, мне не нравится твое состояние, - вынырнул Сергей на мгновение из гипноза ее слов.

- Напрасно, - со зверской улыбкой произнесла женщина. - Я испытываю почти физическое удовольствие. Это снова азарт охотника, я уже знаю это чувство, но... - Анна вдруг словно очнулась, взглядее прояснился, лицо стало усталым. - Видит Бог, Сереженька, я очень хотела, чтобы мы были вместе. Ты стал для меня воплощением моей мечты, моих желаний, - она подошла к Соколову, опустилась перед ним на колени, взяла его руки, поднесла их к лицу и уткнулась в них, - ты так нужен мне, ты можешь помочь мне, только ты, я была так счастлива с тобой...

Обними меня...

Сергей потянулся к Анне, но она вдруг отпрянула от него, засмеялась зло, отошла, глаза ее еще были влажны от слез, но голос уже звучал твердо:

- Нет, конечно нет! Глупый, ты все еще веришь мне?!. Все так просто, неужели ты до сих пор не понял? Мне нужно было завлечь тебя в свои сети, опутать, усыпить, заставить закрыть дело Велехова, забыть о нем навсегда... Религиозные книги, помнишь? Это я подкинула их к нему домой после нашего первого разговора. Я испугалась, запаниковала, но потом... - лицо Анны снова прояснилось на мгновение. - Я же не знала тогда, что так привяжусь к тебе, милый, - она снова подошла к Соколову, обняла его, зашептала в исступлении, - останови же меня скорей, ты можешь, ты знаешь, ты все знаешь, ты самый лучший, ты самый чудесный... В твоих объятиях я чувствовала себя желанной, любимой, счастливой, но ты приходил с работы с холодным настороженным взглядом, ты не умеешь скрывать свои чувства, того, что мучает тебя. Какой же ты дурак, Соколов! Зачем, зачем ты продал меня? Ради чего? - Анна снова заплакала. - Ради призрачного, зыбкого, неверного долга? Перед кем?.. Однажды это кончится, кто вспомнит о твоей правильности и честности? Кому они будут нужны в старости, когда ты останешься совершенно один?!. если доживешь...

Сергей вскочил:

- Подожди же, замолчи!.. Давай сделаем так, послушай меня! Уезжай, уди из моей жизни. Я обещаю тебе, что дело Велехова никогда больше не поднимут... Ты такая же жертва! Именно это я всегда хотел понять. Я, лично я, хотел простить тебя, понять и простить! Я хотел позволить себе любить тебя!.. Но теперь уходи, исчезни, я хочу забыть все, и тебя, навсегда, стереть из памяти, из души...

- Поздно, - жестко заговорила Анна. - Я уйду, допустим, но как будешь жить ты, зная, что сам отпустил меня. Держал в руках все нити, сумел перекрыть мне все выходы, но - отпустил. Как ты сможешь жить, зная, что я хожу где-то по земле, выискивая себе очередную жертву. Ведь даже я сама не могу с уверенностью сказать, что ты - последний... Как ты будешь жить? Ты никогда, никогда не сможешь забыть меня, я буду мучить тебя вечно, я стану твоими мыслями, твоей душой, твоей совестью. Я буду всюду. Как ты будешь жить тогда? - голос ее уже срываился. -

Представь себе свое будущее! Представь это все, как следует, представь!..

Соколов закричал и схватился за голову, упал в кресло, застонал, какие-то неуловимые видения проносились в его сознании, все смешалось, только шум, крики, слова. Сергей все сильнее сжимал себе голову, впился в волосы, словно желая вытащить себя из страшного забытья. Будто во сне он услышал, как глухо хлопнула дверь квартиры, осмотрелся вокруг туманными глазами, медленно поднялся из кресла, шатаясь прошелся по комнате, будто ища чего-то. В углу он увидел то, что ему было нужно. Подошел, открыл небольшой железный ящик, прикрепленный к стене, достал из него темную коробку, открыл ее. На дне лежал пистолет. Соколов слабо улыбнулся ему и погладил черный металлический дрожащей рукой.

Анна бежала по улице, едва сдерживая громкие рыдания, слезы заливали ей лицо, она не замечала ничего вокруг, ни машин, ни испуганных встречных прохожих, ни камней, о которые она спотыкалась, едва не падая...

Вдруг она остановилась, лицо ее исказилось ужасом, слезы прекратились, она оглянулась назад, на дом Сергея. С секунду Анна постояла на одном месте и бросилась обратно еще быстрее, чем уходила.

Она влетела в подъезд, споткнулась на ступеньке, упала, ударившись коленом, но ничего этого не заметила. Через мгновение она была у двери квартиры Соколова, протянула руку к звонку. Его звук слился со звуком выстрела...

Рука Анны дрогнула на кнопке, все тело женщины обмякло, и она сползла вниз по закрытой двери, прошептав:

- Не надо, Сережа, не надо. Я же люблю тебя...

В чувство ее привела хлопнувшая внизу дверь подъезда.

Анна резко поднялась, быстро поправила на себе одежду и...

Через какое-то время она была дома, вывалила из сумки вещи, потом сложила часть их обратно, увидела дневник, подержала его в руках и тоже пихнула в сумку. Осмотрела подлевому квартиру и, через пару минут уже бежала к автобусу. Потом она ехала в электричке, а еще позже уверенной походкой

шагала по тропинке к своему дому в деревне.

Анна вошла в дом, достала из сумки свой дневник, бросила ее у дверей, сама подошла к столу, взяла ручку, написала что-то короткое в тетради и, оставив ее лежать открытой на столе, медленно поднялась на чердак.

У калитки остановилась черная «Волга», из которой поспешно вышли четверо мужчин. Один из них, быстро сказав что-то другим, пошел к дому.

У порога он увидел брошенную дорожную сумку, на столе - лежала раскрытая тетрадь. Человек рванулся к ней. На чистой странице была написана только одна фраза: «Я попала в собственную паутину...»

Соколов застонал, взглянул на лестницу, ведущую на чердак, и осторожно стал подниматься по ней.

Тело Анны на веревке выглядело нелепо...

Соколов вышел на крыльце, закурил.

- Ну, что там? - нетерпеливо крикнул один из трех мужчин, стоявших у машин.

Сергей устало посмотрел на них, докурил сигарету до половины и сошел с крыльца.

- Здесь уже нужна не санкция на арест, а катафалк, - сказал он, подойдя к начальнику, и отошел в сторону.

Мужчины от машины поспешили к дому, потом вызвали по радио «скорую помощь», оперативную группу, суетились, задавали какие-то вопросы Сергею, но он не слушал, пошел куда-то по тропинке.

Деревня безмятежно жила, рылись на дороге куры, недоверчиво косился петух, с визгами бегали ребятишки, в огороде у одного дома гулял большеглазый теленок, который любопытно посмотрел на Соколова. Две старушки, заметив проехавшую «Волгу», тревожно вглядывались туда, где она остановилась, шушукались.

За спиной Соколов услышал топот бегущих ног, его догнал Дербич:

- Сергей Иванович, вы куда запропастились, вас шеф ищет.

Паша заметил отрешенное лицо Сергея, остановил его за плечо:

- Да вы что, Сергей Иванович? Ну, подумаешь, не успели! Она сама себя осудила и наказала, возни меньше... А вы все-таки добили это дело! Кстати, помните, обещали бутылку поставить,
- Дербич глупо захихикал.

- Да пошел ты!.. - рявкнул на него Соколов и быстро зашагал прочь.

Начальник улыбнулся Соколову, когда тот вошел к нему в кабинет:

- Ну, Сергей Иванович, ты у нас теперь спец по запутанным делам! Только такие тебе с этого момента и буду подсовывать. Присядь.

- Спасибо, насидался, - сухо ответил Сергей.

- Вижу, что ты устал. Но зато ведь и выложился на полную катушку. Знаешь, я бы тебя на премию Оскара выдвинул, с первой пробы. - начальник захохотал. - Здорово тебе удалось эту бабочку окрутить, пациент выскпался! Так держать!.. Чего же ты киснешь? Дать тебе недельку отпуска? Или не хочешь?

- Лучше работы навалите, чтобы забыться.

- От чего забыться-то?.. Неужели бабочка так хороша оказалась? Ты это брось. Мне нужны люди с холодным сердцем и твердой рукой, а не романтичные хлюпики!.. Ладно. Вот тебе дельце, кажется, целая шайка орудует, серия крупных краж. Там уже Кукушкин, хрен, чего-то понавторил, да к черту его, уволить надо, а, может, премии лишить.

Соколов взял у начальника дело и вышел из кабинета.

И снова наступил март, сырой, темный, неуятный, такой же, как год назад, когда все это начиналось.

Сергей очень медленно, проваливаясь в сером ноздреватом снегу, пробирался к дому Анны в деревне. Прошел год, уже год. Но для следователя все это было словно вчера, так крепко осело в памяти. И это она, память, заставляла его садиться в электричку и ехать сюда, ехать назад, в прошлое, заставляла выходить на тихой станции, идти по лесной тропинке к этому дому, подолгу бродить вокруг и прокручивать в мозгу прошлые события, как кинопленку. Он часами стоял около опустевшего, словно состарившегося дома, смотрел в его черные окна.

Вся история закончилась тем, что в душе Соколова поселилась постоянная тупая боль, и иногда он вдруг с ужасом

осознавал, что слова этой женщины сбылись. Она никуда не ушла из его памяти, завладела всеми его мыслями, его душой и совестью, она продолжала мучить его. Она была всюду! И Сергей не знал, как ему избавиться от нее, как жить дальше.

Он приезжал к ее дому, вспоминая и вспоминая ушедшие дни, словно было можно еще что-то изменить, исправить жестокую ошибку, которой не будет прощения ни здесь, ни там, где теперь была она... Анна...

Веселова Анастасия Павловна. СЕТИ АРАХНЫ.
Психологический детектив. 60 с.
Художник Надежда Черкасова
Вологда "Свеча". 1998 Тираж 100 экз

© А. Веселова, 1998